

Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера

Автореферат докторской диссертации по культурологии

На правах рукописи

ПЕРМИЛОВСКАЯ АННА БОРИСОВНА

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА

24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора культурологии

Ярославль

2011

Работа выполнена на кафедре культурологии и журналистики

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет

им. К.Д. Ушинского»

Научный консультант: Заслуженный деятель науки РФ,

доктор искусствоведения, профессор

Злотникова Татьяна Семеновна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор

Кондаков Игорь Вадимович;

доктор культурологии, профессор

Тихонова Анна Юрьевна;

доктор философских наук, профессор

Малыгина Ирина Викторовна

**Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»**

Защита диссертации состоится 16 декабря 2011 г. в 11 час. на заседании совета Д 212.307.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: г. Ярославль, Которосльская набережная, 46-в, ауд. 506.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского» по адресу: г. Ярославль, Республиканская ул., 108.

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль,

Республиканская ул., 108. Диссертационный совет Д 212.307.04.

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

И.О. ученого секретаря

диссертационного совета

доктор культурологии, профессор Т.В. Юрьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена значимыми для современного общества задачами изучения, сохранения и развития культуры русского народа. Изучение особых, региональных аспектов истории национальной культуры в условиях многополярности мира и в контексте процесса глобализации помогает понять целостность и сущность сложных историко-культурных и социальных особенностей российской современности, в которой памятники народного зодчества являются уникальными и, к сожалению, немногочисленными артефактами, с помощью которых осуществляется культурная преемственность и национальная идентификация. В связи с тем, что формирование культурного пространства России проходило под влиянием различных национально-культурных традиций и сопровождалось развитием региональных культур, осмысление опыта Русского Севера может дать ключ к пониманию исторического развития России, связанного с духовным и хозяйственным освоением огромных таежных и арктических пространств Евразии вплоть до Сибири и Дальнего Востока.

Для культурологического дискурса современного отечественного гуманитарного знания особенно актуальным является системное определение сущностных признаков и выявление концептов русской культуры. Данное исследование призвано внести существенный вклад в раскрытие содержания и значения

народного деревянного зодчества Русского Севера как базисной составляющей национальной культуры. Русский Север в истории и современном опыте отечественной культуры – хранитель памятников древней народной культуры, где они создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций. Даже до настоящего времени мы обнаруживаем здесь многие неизвестные памятники прошлого. Широкий срез традиционной народной архитектуры с привлечением большого числа новых артефактов имеет большое значение не только для познания культуры северной провинции, но и для характеристики общерусского культурного и художественного процесса.

Структура понятия «Русский Север» как определенной территории и историко-культурной общности сформировалась в результате русской колонизации из Новгородских и Ростово-Суздальских земель и ассимиляции коренного финно-угорского населения. «Русский Север» – это термин, обладающий высокой степенью универсальности и теоретичности для обозначения особого, символического русского пространства, обозначающего, кроме прочего, и государственные границы России. В связи, с чем понятие «Русский Север» сохраняет свою актуальность с XIX – начала XX века, когда в науке и искусстве осуществляется его «открытие», до наших дней.

В кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» уже около двух столетий - это устойчивое словосочетание для носителя российского менталитета, понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания и занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. Как особый регион российского культурного наследия по своей значимости он соотносим с уникальными явлениями национальной и мировой культуры.

Актуальность данного исследования связана с обращением к феномену «Русский Север» как универсального и интегративного понятия, позволяющего утверждать такие признаки национально-культурной традиции, как независимость России, ее – национальной общности и государства – масштабность. Особые и многогранные культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера формировались и закрепились в северном поселении, ибо последнее – это целостный мир, где присутствуют все компоненты, характеризующие духовную и социально-экономическую структуру государства. «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Северным океаном, и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке» (М.В. Ломоносов). Однако мысль великого ученого-северянина охватывает не просто «Северный океан», но и континентальную часть Европейского Севера, поскольку Россия прирастала именно Русским Севером, который всегда существовал, но не всегда рассматривался как значимая составляющая России. Обобщение уникальных особенностей народного деревянного зодчества Русского Севера позволяет подчеркнуть своеобразие существования страны, нации, личности; в свою очередь «Русский Север» воспринимается уже не только в качестве географического понятия, но и как место развития самобытной модификации русской культуры и особое культурное пространство, которое дало переселенческие импульсы на восток, в Северный Урал и Сибирь.

Проблема исследования связана с необходимостью систематизации и обобщения культурных смыслов народной архитектуры Русского Севера в

историко-типологическом и структурно-семантическом аспектах. Интегративное, культурологически очерченное проблемное поле позволяет выявить и изучить широкий круг взаимосвязанных культурных миров, к которым относятся сельские исторические поселения, традиционные ландшафты, народная архитектура (поселение, дом, храм, часовня, крест), составляющие целостный феномен русского и мирового культурного наследия. Проблема данного исследования состоит также в обосновании необходимых и возможных путей сохранения и освоения культурного наследия.

Цели диссертационного исследования:

- постановка и исследование проблемы народной архитектуры Русского Севера как культурного явления и культурологической проблемы;
- выявление культурных смыслов народной архитектуры Русского Севера в историко-типологическом и структурно-семантическом аспектах (XIX – XX века).

Для достижения указанных целей были поставлены **следующие задачи**, определившие логику и структуру исследования:

1. Выявить культурные смыслы народной архитектуры в контексте культурного ландшафта Русского Севера.
2. Концептуализировать сакральные смыслы народной архитектуры Русского Севера как отражение традиционной картины мира крестьян.
3. Сформулировать в интегративном (социокультурном, типологическом, архитектурно-художественном, семиотическом) научном поле повседневные смыслы народной архитектуры Русского Севера.
4. Обосновать модель смыслополагания народной архитектуры на примере сельского мира и исторических поселений Русского Севера.
5. Верифицировать понятие «Русский Север – особая территория наследия» на основе культурологических подходов методологически обосновав инновационную концептуальную интерпретацию ключевого для данного исследования понятия.

Объект исследования: культурные смыслы народной архитектуры в историко-типологическом и структурно-семантическом аспектах.

Предмет исследования: народная архитектура Русского Севера XIX – XX века.

Территориальные границы. Обширную территорию Европейского Севера обычно называют Русским Севером или просто Севером. Этот край формировался в тесном контакте с остальными северными территориями, поэтому сущность и значение всего региона правильнее отражает понятие «Европейский Север», хотя оба названия часто употребляются как синонимы. Исследователи по-разному относятся к границам этого региона, особенно его южной части. Ряд исследователей считает, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (иногда даже одной из губерний), а распространить его значительно шире, в первую очередь – на территории, которые с исторической точки зрения не

могут быть отделены от севернорусского региона. Это северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшая Новгородская и Тверская, северная часть Костромской губернии. Административно-территориальные границы региона в разные исторические периоды были подвижны, изменяясь во многом под влиянием административного устройства края. В частности, в исследуемый период они соотносились с территориями Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, побережья Белого и Баренцева морей. Настоящее исследование охватывает территорию Архангельской губернии и сопредельных с ней уездов Вологодской (Вельский, Красноборский, Сольвычегодский, Яренский) и Олонецкой (Каргопольский) губерний. Указанные территории всегда составляли ядро культурного пространства Русского Севера и его культурной традиции.

Хронологические рамки исследования охватывают XIX – XX века. В исследовании обобщено историческое и современное состояние народного деревянного зодчества.

Материал исследования составили несколько групп источников:

- эмпирический полевой материал (артефакты, памятники деревянного зодчества, сельские исторические поселения), собранный автором во время 33 экспедиций по обследованию Русского Севера (Архангельской, Вологодской областей, республика Карелии «in situ») с 1981 по 2010 года, в музеях под открытым небом (Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник "Кижис"), Национальном парке «Кенозерский»;

- архивные материалы по народной архитектуре (фотографии, обмеры, описание, научные паспорта и др.) в государственном архиве Архангельской области, в архивах: Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Архангельской специализированной научно-реставрационной и производственной мастерской, Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева, Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры комитета по культуре Архангельской области, Российского этнографического музея, Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, региональных музеев Архангельской области (г. Мезень, с. Ошевенск Каргопольский район, с. Красноборск, с. Черевково Красноборский район), Национального парка «Кенозерский»;

- музейные источники и коллекции: Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Архангельского областного краеведческого музея, 9 региональных музеев Архангельской области (с. Ломоносово, Холмогорский район; г. Мезень, с. Кимжа, Мезенский район; с. Ошевенск, Каргопольский район; д. Веркола, Пинежский район; с. Красноборск, с. Черевково, Красноборский район; с. Лешуконское, Лешуконский район; с. Конево, Плесецкий район), Национального парка «Кенозерский»;

- источники в отделах редкой краеведческой книги, в том числе дореволюционный фонд изданий (конец XVIII – начало XX веков) в научных библиотеках:

Архангельская областная научная библиотека, Библиотека академии наук, Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека России, Российская государственная библиотека по искусству, научная библиотека Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства;

- материалы, изученные в ходе 10 стажировок автора по теме «Изучение и сохранение памятников народной архитектуры в музеях под открытым небом и «in situ»: Украина (1980), Латвия (1985), Литва (1988), Польша (1991), Нидерланды (1999), Великобритания (2003), Словакия (2004), Германия (2002, 2006, 2009);

- материалы, составившие основу личного опыта автора, приобретенного в результате многолетнего изучения экспозиций музеев под открытым небом и памятников народной архитектуры «in situ» в России, Белоруссии, Грузии, Румынии, Хорватии, Чехии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Болгарии, Эстонии, Венгрии, Бельгии, Испании.

Теоретико-методологической основой исследования, в соответствии с его междисциплинарным характером, послужил ряд значимых для культурологического исследования методов. Исследование основывается на использовании комплекса **методов** (системного, историко-типологического, культурно-исторического, социокультурного, этнокультурологического, архитектурного, искусствоведческого, семиотического), которые отвечают теоретической базе современной культурологии. В диссертационном исследовании применен *культурно-исторический метод* (Ю.М. Лотман, А. Моль, М. Элиаде, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, П. А. Флоренский, Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, М.К. Любавский) который позволил интегрировать накопленный исследовательский опыт, сложившийся в теоретическом и историческом знании о регионе. *Культурно-типологический метод* (М.С. Каган, Т.С. Злотникова, С.Н. Иконникова, А.Я. Флиер, И.В. Кондаков, А.С. Кармин, Ю.С. Степанов, Э.С. Маркарян, Н.А. Хренов) дает возможность не только реконструировать реальное состояние культуры, но и рассмотреть соотношение процессов, в которых сложились культурные смыслы особого регионального культурного пространства - Русского Севера – с общероссийскими историко-культурными процессами (К.В. Чистов, Т.А. Берншам, И.В. Власова, С.И. Дмитриева, А.Н. Давыдов, Н.А. Криничная, Н.М. Терехин, А.Н. Соловьева, Н.В. Дранникова, А.В. Камкин и др.).

Теоретико-методологическая база работы включает в себя *архитектурно-искусствоведческие исследования*, представленные в работах по народному деревянному зодчеству (И.Э. Грабарь, В.В. Суслов, М.В. Красовский, С.Я. Забелло, Р.М. Габе, И.В., Маковецкий, Е.А. Ащепков, А.В. Ополовников, Б.В. Гнедовский, Ю.С. Ушаков), современных исследователей народной архитектуры (В.П. Орфинский, М.И. Мильчик, А.Б. Бодде, О.Г. Севан, И.Е. Гришина, И.Н. Шургин и др.)

Теоретико-методологическая база работы включает в себя концепции, идеи и теории, разработанные в *этнологии и культурной антропологии* (П.С. Ефименко, М.Б. Едемский, К.К. Романов, Е.Э. Бломквист, К.В. Чистов, Т.А. Берншам, А.Б. Островский, И.В. Власова, А.К. Байбурин, Е.Ф. Фурсова). Особо значимую для исследования теоретико-методологическую базу составил *структурно-семиотический метод* анализа культуры (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, У. Эко, М. Элиаде, Ю.М. Лотман, Э.Б. Тайлор), принципы *семиотического анализа*

культуры повседневности в трудах Ф. Броделя, М. Фуко, повседневности русской культуры – И.И. Костомарова, М.М. Громыко, А.Б. Терещенко, современного исследователя - В.Д. Лелеко. Семиотический принцип исследования традиционной культуры, ее мифологических и ритуальных основ (В.Н. Топоров, А.К. Байбурин, Т.В. Цивьян, С.Т. Махлина).

Анализ сложноорганизованных культурных явлений, каким является культурный ландшафт Русского Севера, обусловил применение информационно-аксиологического подхода. Он заключается в исследовании культурного ландшафта как совместного творения человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности (Ю.В. Бромлей, Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, В.Н. Калущков, В.Л. Каганский, Б.Б. Родоман, П.М. Шульгин, Т.М. Гудима, Е. Ю. Колбовский).

Исследование строится на самостоятельном экспедиционном изучении поселений и памятников народной архитектуры, с проведением фотофиксации, схематических обмеров, этнографическом анкетировании. В работе были использованы приемы исторической реконструкции поселения: создание историко-культурного опорного плана на примере уникального сельского культурного ландшафта (с. Кимжа Мезенского района). Повседневная жизнь крестьян представлена через социальную память, сохраненную в воспоминаниях ее носителей. В целом используется материал, полученный от 181 информанта, записанные методом интервью с помощью диктофона.

Непосредственной исследовательской базой работы является ведущая научная школа России по культурологии при ФГБОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского» и Учреждение Российской академии наук Институт экологических проблем Севера УрО РАН, где соискатель работает с 2002 года.

Гипотеза исследования строится на следующих предположениях:

1. Северная модель культуры, реализованная в народной деревянной архитектуре, имеет инновационное научное значение, поскольку эта модель сохранилась и зафиксирована в ее уникальном материальном качестве именно на Русском Севере. В связи с этим народная деревянная архитектура может рассматриваться как культурный код Русского Севера.

2. Культурный смысл северной народной архитектуры связан с особым, свободным самосознанием русского человека; в этом проявлении самосознания Русский Север сравним с Сибирью, где, однако, чаще присутствовали элементы бунта и противостояния власти. Русский Север был местом духовной свободы, но в то же время - покоя, гармонии и святости. Русский Север не создавал ощущения давления со стороны государства, «нигде в России крестьянин не добился большего успеха, чем крестьянин Севера, отстаивший границы своих земель и свой незакрепощенный статус» (А.И. Копанев).

3. Народная деревянная архитектура преобладала в исследуемом регионе в силу того, что сельский мир был моделью мира Русского Севера. Дерево являлось важнейшим строительным материалом, и в сочетании с сельскими условиями жизни это стало причиной сохранения плотницких традиций Древней Руси.

4. Семантика и архитектурно-художественный образ культовой народной архитектуры (храм, часовня, крест, сакральное место) является отражением традиционной картины мира крестьян Русского Севера.

5. Культурный смысл северного поселения для современной России определяется тем, что это своего рода утопия, «благословенная страна». Русский Север -своеобразная территория, не столько изолированная от России пространственно, сколько обособленная духовно. Культурный смысл этих земель для России связан с тем, что на Русском Севере сложилась если не идеальная, то по-своему гармоническая система организации жизни, которая в России не была востребована.

6. Северное поселение – это целостный мир, в котором присутствуют все компоненты, характерные для духовной и социально-экономической структуры государства. Культурный смысл народной архитектуры Русского Севера определяется тем, что здесь были сформированы такие составляющие целостного мира, как религиозный центр, гендерная составляющая, длительно сохранялись традиции земского самоуправления. Несмотря на то, что в результате политики государства земский строй на Русском Севере к концу XVIII века был в основном подорван, образ мира как идеальной формы народного «общежителства» продолжал сохраняться в сознании северян.

7. Народная деревянная архитектура Русского Севера, являя собой одну из универсальных доминант традиционной культуры русского народа и служа отражением коллективной и индивидуальной ментальности крестьянства, воплотила в своих творениях народное православие и мифопоэтическое мировоззрение русского народа.

8. В пространстве северного поселения храм как обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания занимает центральное место, жилище составляет второй план, хозяйственные постройки – третий. При этом в сакральном пространстве сельского поселения храм выполнял смыслообразующую роль, отражая становление народного религиозного сознания, систему духовных ценностей общества, особенности мировоззрения крестьянского мира - строителей и заказчиков храмов.

9. Северный крестьянский дом живёт на границе открытого и закрытого, на границе двух миров: мира частной, повседневной жизни и жизни общества, поэтому дом связан с общиной, миром крестьянской деревни. Архитектурные и декоративные элементы составляли не только основу конструкции жилища, но и «конструкции» крестьянского мировоззрения.

10. Традиционное народное зодчество, обладая комплексом культурных смыслов, в основе своей было магически-сакральным. Эту особенность ему придавало сочетание культурных смыслов, характеризовавших целостные системы (поселения, крестьянские усадьбы, сооружения культовой, гражданской, хозяйственной, торговой, промысловой народной архитектуры) и декоративно-конструктивные элементы. Поскольку в декоре народного зодчества отразилась языческие и христианские верования северян, особенностью орнаментальной символики являлись орнитоморфные, зооморфные, антропоморфные изображения, выступавшие в качестве декора и оберега крестьянского дома.

Степень научной разработанности проблемы. Тема народной архитектуры как феномена русской традиционной культуры представляет практически не разработанное культурологическое направление исследований. Историография вопроса имеет сложный многоаспектный характер и представлена в работах архитектурного, искусствоведческого, этнологического, фольклорного, исторического направлений. Мы предлагаем хронологическую структуру анализа разработанности научной проблемы.

Изучение Русского Севера имеет свою историю. Русский Север уже **во второй половине XVIII века** привлек пристальное внимание русских ученых, путешественников, писателей: В.В. Крестинина, А.И. Фомина. В.М. Верюжского. Благодаря их работам были введены в научный оборот первые сведения о поморской культуре.

Во второй половине XIX века Русский Север посетили известные деятели русской науки и культуры: С.В. Максимов (1856 – 1857), В.И. Немирович-Данченко (1869 - 1873), В.В. Суслов (с 1883 - неоднократно) К.К. Случевский (1884 – 1888) В.В. Верещагин (1894). В своих литературных произведениях они дали несколько красочных зарисовок обычаев северян, описали ряд достопримечательностей, а также памятники деревянного зодчества и святыни северных монастырей.

Но значительный интерес к данной проблематике **возник в 60-е годы XIX века.** Своеобразное «художественное» открытие Русского Севера принадлежит фольклористам: П.Н Рыбникову, А.Ф. Гильфердингу, Е.В. Барсову. Одним из первых, кто обратился к исследованию культурного наследия Русского Севера, был П.Н Рыбников. Во время первой экспедиционной поездки в мае - июне 1860 года он записал 80 былин от карельских сказителей и певцов. Именно П.Н. Рыбникову во многом обязаны последующие поколения исследователей традиционной культуры и собиратели русского фольклора. Большая заслуга П.Н. Рыбникова состоит в том, что он открыл имена северных сказителей: Тимофея Рябинина, Леонтия Богданова, Козьмы Романова, Никифора Прохорова, Василия Щеголенка и др. Ему же принадлежат материалы по статистике, истории, этнографии. Открытие былин придало Русскому Северу ореол загадочности и превратило его в представлении широкой общественности в своеобразный заповедник и хранилище русской народной культуры.

В 70-е годы XIX века появился интерес к народной деревянной архитектуре, что было обусловлено ростом внимания научного и культурного сообщества к проблеме национальной идентификации. Это стремление привело к поиску самобытного русского архитектурного стиля (Л.В. Даль, В.В. Суслов, Ф.Ф. Горностаев, И.Э. Грабарь). Своеобразным толчком послужило «дело», заведенное петербургской Академией художеств «О командировании академика Даля в Индию для изучения древних архитектурных памятников, могущих служить археологической переработкой материалов для основания русского архитектурного стиля». Поездка Л.В. Даля в Индию не состоялась. Хорошо понимая всю нелепость подобного подхода к решению проблемы, он писал: «Мы не позаботились поискать в отечественном зодчестве не только нечто цельное, но даже каких бы то ни было признаков осмысленности... Уразумение логического происхождения частей в целом произведении зодчества возможно только при серьезном историческом его изучении. Вот почему нам необходимо историческое исследование наших памятников». В «Истории русского искусства» И.Э. Грабаря впервые была представлена широкая картина развития деревянной архитектуры

Севера, сделан анализ эволюции основных типов культовых построек. «На Севере... были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства». Значительное внимание изучению церковной истории Русского Севера было уделено Архангельским епархиальным церковно-археологическим комитетом. Собранные и обработанные членами комитета материалы до настоящего времени обладают большой научной ценностью. Среди них – трехтомное издание: «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии» (Архангельск, 1894 – 1896).

В начале XX века за искусствоведческим анализом деревянной архитектуры последовали первые попытки изучения и обобщения ее конструктивных и архитектурных особенностей (М. В. Красовский, И.В. Евдокимов, И.Е. Забелин). Этот период характеризовался накоплением фактического материала и началом научной систематизации деревянного зодчества, в основном культового характера. Памятники изучались главным образом по типологическим признакам, как правило, вне связи с архитектурным и природным ландшафтом. К началу XX века у подавляющего большинства исследователей, как искусствоведческого, так и этнографического направлений складывается представление о региональном своеобразии и вместе с тем особой роли культуры Русского Севера в возрождении русского национального самосознания. А история русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского Севера. В науке и в сознании общественности формируется образ Русского Севера как своеобразного «заповедника» народной русской культуры. В этот период выходят фундаментальные труды по архитектуре, отчеты фольклорных экспедиций, материалы об известных сказительницах Марфе Крюковой, Марии Кривополеновой. Среди этнографов возникает интерес к изучению повседневной жизни северной деревни. Публикуются материалы по этнографии Пинеги, Мезени, Северной Двины, Поважья: П.С. Ефименко, Н.А. Иваницкого, М.Б. Едемского, С.В. Максимова.

Образ Русского Севера и народной деревянной архитектуры нашел отражение в работах многих известных живописцев. В начале XX века творческие поездки на Север осуществили К. Коровин, В. Серов, И. Грабарь, И. Билибин, А. Архипов, М. Нестеров, В. Верещагин, Н. Рерих и др. Благодаря вниманию творческой интеллигенции и научному изучению Русский Север превратился в один из значимых культурно-символических центров страны. К началу XX века усилиями искусствоведов, архитекторов, историков, этнографов, фольклористов были заложены основы для исследования Русского Севера как самобытной целостности в контексте русской культуры.

В конце 1920-х годов были организованы первые комплексные исследования крестьянского искусства (К.К. Романов) и архитектуры народного жилища (Р.М. Габе). С.Я. Забелло, В.Н. Ивановым, П.Н. Максимовым была предпринята попытка систематизировать накопившийся материал. Ценность этой работы со временем возросла: многих сооружений, обмеры и фотографии которых приведены в ней, уже не существует.

В 1950-е годы обширный материал по народной архитектуре Севера и Поволжья был собран рядом экспедиций Института истории искусств АН СССР. Архитектурная часть исследований осуществлялась под руководством И.В. Маковецкого. Живая культура русской деревни в исследуемый период еще во

многим сохраняла традиционные черты, хотя период коллективизации сказался на ней губительным образом. Работа заполнила существенный пробел в изучении и систематизации народной гражданской архитектуры. Фундаментальные исследования по фиксации, изучению и реставрации памятников народного зодчества Севера были проведены А.В. Ополовниковым, В.П. Орфинским.

Итог многолетних исследований по изучению материальной культуры, планировке поселений, картографированию типов и комплексов русского жилища, хозяйственных построек был подведен авторами историко-этнографического атласа «Русские» и Е.Э. Бломквист. До настоящего времени эти работы уникальны по представленному материалу и территориальному охвату.

Новый подход к изучению северной культуры в 70-е годы XX века вносит теория К.В. Чистова о вторичной архаике Русского Севера как носительнице своеобразного генофонда русской культуры в целом. Новый виток поиска национальной самобытности, который ощущался в научной и художественной среде, стимулировал появление ряда исследований Д.А. Мачинского, И.И. Шангиной. Исследования исходили из концепции регионального своеобразия этнолокальных групп Русского Севера (поморов) – Т.А. Бернштам.

В 1980 – 1990-е годы все более явным становится интерес к обретению духовных, прежде всего, народно-православных основ культурного своеобразия региона. В этот период разрабатываются новые методологические подходы к изучению культуры. Существенное внимание в исследованиях начинает уделяться семиотическому анализу как одному из важнейших инструментов раскрытия особого культурного кода. Это работы представителей Московско-Тартуской семиотической школы (Ю.М. Лотмана, В.Н. Топоркова, Т.В. Цивьян, Ю.С. Степанова), а также труды А.К. Байбурина, подробно анализирующие семиозис традиционной культуры и крестьянского жилища. Изучению региональной специфики культуры посвящены работы Н.М. Терехихина, в них предпринят семиотический анализ Русского Севера как особого культурного пространства, анализируются его сакральные основы. Н.А. Криничная ввела в научный оборот 429 текстов-преданий Русского Севера XVIII – начала XX веков, связанных с социально-общественной жизнью и историей определенной общности (род, община, деревня, город, профессиональное объединение). Для данного исследования особый интерес представляют предания о выборе места для основания поселения, храма, часовни. Последующие исследования Н.А. Криничной значительно расширяют представления о роли мифологических персонажей в повседневной жизни северных крестьян, представляют новый материал, который содержит множество народных вербальных стереотипов.

Ю.С. Ушаков, анализируя многовековой строительный опыт, выявляет принципы и приемы ансамблевой организации жилой среды в природно-климатических условиях Русского Севера. Вопросам изучения сельских поселений, архитектурно-ландшафтной среды в традиционной культуре карел посвящены фундаментальные исследования В.П. Орфинского и его учеников. Существует значительный объем литературы, в разных аспектах освещающий проблему культурного своеобразия Севера: И.В. Власова, С.И. Дмитриева, А.Н. Давыдов, А.В. Камкин, А.Б. Островский; народного деревянного зодчества: М.И. Мильчик, Б.В. Гнедовский, О.Г. Севан, А.Б. Боде, И.Н. Шургин, И.Е. Гришина и др.

В настоящей работе впервые с культурологических позиций, концептуализируются культурные смыслы народной деревянной архитектуры Русского Севера на основе историко-типологического, структурно-семантического, социокультурного, типологического, архитектурно-художественного, семиотического анализа.

Концептуальные идеи, связанные с проблемой изучения культурного ландшафта, начали разрабатываться учеными к **концу XX – началу XXI веков**. К настоящему моменту существует несколько подходов к определению и трактовке культурного ландшафта. Это концепции территориально-культурных комплексов (Ю.В. Бромлей, Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, В.Л. Каганский, Б.Б. Родоман), этнокультурного ландшафта (В.Н. Калущков, А.А. Иванова), культурного ландшафта как духовно-символического, сакрального пространства (Н.М. Терехихин), фольклора как способа отражения культурного ландшафта (А.Б. Мороз, А.А. Иванова, Н.М., С.Е. Никитина), культурного ландшафта как феномена культуры и категории наследия (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, П. М. Шульгин), ландшафта в контексте культурологии (Е.Ю. Колбовский). При этом в данном исследовании целостное комплексное культурологическое исследование народной архитектуры Русского Севера в контексте культурного ландшафта XIX – XX веков осуществляется впервые.

В рамках культурологического подхода проблемы определения сущности, многомерности, динамики культурного пространства рассматриваются в трудах Ю.М. Лотмана, А. Моля, М. Элиаде. А также в работах историков и философов, посвященных истории России и русской провинции: Н.М. Карамзина, П.А. Флоренского, Л.Н. Гумилева, Д.С. Лихачева, современных исследователей: Т.С. Злотниковой, М.С. Кагана, С.Н. Иконниковой, А.Я. Флиера, И.В. Кондакова, А.С. Кармина и др.

В качестве репрезентативной территории обследования мы выбрали с. Кимжа на Мезени. Изучению и феномену Кимжи посвящены немногочисленные публикации в дореволюционных изданиях (церковные источники) и современные исследования (статьи Л.М. Лисенко, Н.П. Лютиковой, М.И. Мильчика). О Кимже широко писала центральная и региональная пресса, был создан ореол, своеобразная аура этого места. В последние годы нами был осуществлен научный проект «Кимжа - уникальное историческое поселение Русского Севера. Изучение, сохранение, развитие» (2004 – 2010 годы, автор - А.Б. Пермиловская)

Исходя из данной нами характеристики изученности проблемы, можно утверждать, что целостного, комплексного, методологически интегративно ориентированного исследования культурных смыслов народной архитектуры Русского Севера XIX – XX веков до сих пор не существовало.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Впервые проведено комплексное культурологическое исследование народной архитектуры Русского Севера как отражения культурных смыслов жизни уникального российского региона.

2. Сформировано и обосновано историко-культурного понятие «Русский Север – особая территория наследия».

3. Исследование культуры Русского Севера осуществлено в культурологическом ракурсе проявления в ней русского хронотопа. В качестве предметного воплощения времени и пространства выступает культурный ландшафт северной деревни, представляющий собой «хороводную, соборную картину мира» (А.К. Чекалов).

4. В исследовании обоснована модель смыслополагания народной архитектуры Русского Севера.

5. Для выявления культурного кода Русского Севера (народного деревянного зодчества) предложена метафора, берущая свое начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества и воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения: «Как мера и красота скажут».

6. Впервые введены в научный обиход три основных принципа, на основе которых может быть осмыслена типология северного дома: по способу соединения жилья и двора, по конструктивно-планировочному решению жилой части, по внутренней планировке избы.

7. Впервые проведен анализ декоративного убранства и символики народной деревянной архитектуры. Для этого в научный оборот вводится методологически выверенная триада «функция – канон - украшение», что позволяет системно анализировать широко представленный в исследованиях малоизученный эмпирический материал.

8. Впервые вводится в научный оборот и верифицируется большое количество нового эмпирического материала о памятниках и артефактах народной деревянной архитектуры (культовой, жилой, хозяйственной, промысловой, торговой), центрах их формирования и бытования, типологии, архитектурно-художественных особенностях, декоративном убранстве, датировке, в ряде случаев – авторства. Установлены центры производства и мастера по изготовлению деревянных крестов (Мезень), центр домовой росписи и крестьянские живописцы (Ошевенск, Каргополье), центр формирования типа храма «шатер на крещатой бочке» (Пинега и Мезень).

9. На ранее не обобщавшемся и не систематизированном материале решена проблема изучения историко-культурной проблематики, связанной с уникальным региональным топосом.

Теоретическая значимость исследования:

1. Поставлена и решена проблема выявления и систематизации культурных смыслов, характеризующих материальное и духовное наследие конкретной территории России как репрезентативного историко-культурного феномена.

2. Установлено, что в научных, научно-популярных и публицистических высказываниях применительно к Русскому Северу сложилась традиция синонимического употребления понятий «деревянная архитектура» и «народная архитектура»; данная ситуация может быть охарактеризована как имплицитно отражающая культурный смысл регионального наследия в обыденном и научном сознании.

3. Обосновано понятие «народная архитектура», включающее в себя как отдельные жилые, хозяйственные, производственные, торговые, инженерные, оборонные и культовые строения, так и поселения, созданные в большинстве случаев неизвестными мастерами на основе народных архитектурно-строительных традиций, отражающих ментальность русского крестьянства. Определяющее место в представлениях о традиционной культуре и деревянном зодчестве отводится народному православию и мифопоэтическому мировоззрению.

4. Сформирована и мотивирована с историко-типологической точки зрения система взаимодействия при изучении уникального регионального культурного опыта таких дефиниций, как «Русский Север», «территория наследия», «ойкумена русской культуры», «культурный ландшафт», «народная архитектура», «народное православие», «культурный код»; введены актуальные для изучения культурных смыслов понятия «модель смыслополагания народной архитектуры Русского Севера», «северная модель культуры».

5. Обоснована модель смыслополагания народной архитектуры Русского Севера, где

- первой составляющей модели является человек - свободный, духовно-наполненный, трудящийся, верующий, собирающий вокруг себя семью и ближних;

- вторая составляющая модели – это крестьянское жилище, дом-двор с соответствующим декором, архитектурно-конструктивными особенностями;

- третья составляющая модели – это сакральные сооружения (храм, часовня, крест);

- четвертая составляющая модели – это сельский мир, представленный в традиционном поселении Русского Севера (сельскохозяйственное, торговое, поморское, монастырское).

Практическая значимость произведенного в работе исследования определяется возможностью экстраполяции разработанной методологии при исследовании конкретных проявлений русской культуры и мирового культурного опыта. Выводы диссертации могут учитываться в процессе формирования региональной культурной политики в области социального и культурного развития России, федеральных целевых программ.

Практическое значение работы связано с тем, что ее материалы могут быть использованы при изучении памятников народного зодчества и создании музеев под открытым небом, для дальнейшей разработки концептуальных предложений и практических рекомендаций по сохранению сельских культурных ландшафтов, поселений, отдельных памятников архитектуры как объектов культурного наследия Архангельской области и Российской Федерации.

Непосредственно на основании проведенного исследования даны рекомендации по сохранению народной архитектуры и сельского культурного ландшафта как единого памятника культурного наследия: «Достопримечательное место – с. Кимжа, Мезенский район, Архангельская область» федерального значения РФ.

Положения, разработанные в диссертации и раскрытые в ходе анализа эмпирического материала, могут быть востребованы при разработке таких учебных курсов и спецкурсов, как «Культурология», «История культур и цивилизаций», «Народная архитектура», «Этнология», «Культура Русского Севера»», при подготовке методических рекомендаций и учебных пособий по культурологии, архитектуре, искусствоведению, этнологии. Указанные материалы уже апробированы в образовательном процессе высшей школы при изучении культурологического цикла дисциплин, в том числе в образовательном процессе ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» в г. Архангельске.

Личный вклад диссертанта заключается в том, что:

1. Комплексно исследованы сельские исторические поселения: с. Черевково, Красноборский район; с. Чухчерема, Холмогорский район; деревни Верхняя и Нижняя Золотица, с. Конецдворье Приморский район; с. Верховье, Онежский район; д. Плоское, Устьянский район; д. Веркола, Пинежский район, с. Кимжа Мезенский район; артефакты и памятники народного зодчества Архангельской области (дома торговых крестьян Гусевых, торговые постройки с. Черевково; гражданская архитектура, промысловые избы поморов, обетные кресты с. Верхняя и Нижняя Золотица; Никольская церковь и колокольня, гражданская архитектура с. Конецдворье, онежский «тройник» - Входаиерусалимская и Тихвинская церкви, колокольня, гражданская архитектура с. Верховье; гражданская архитектура д. Плоское; крестьянские жилые дома, амбарный городок из 28 построек, Ильинская церковь д. Веркола, Пинежский район; два культовых ансамбля, жилая и хозяйственная архитектура с. Чухчерема; Одигитриевская церковь, кресты, гражданская, хозяйственная архитектура с. Кимжа Мезенский район).

2. Изучены и введены в научный оборот артефакты сельского культурного ландшафта России, в первую очередь произведения уникального народного деревянного зодчества XVIII – XX веков (с. Кимжа Мезенского района Архангельской области в качестве репрезентативного объекта); таким образом, осуществлен культурологический дискурс народной архитектуры Русского Севера как феномена национального культурного наследия.

3. В ходе длительного (1981 – 2010) изучения русской традиционной культуры XIX – XX веков с привлечением эмпирического экспедиционного, архивного, музейного материала диссертантом выявлено и монографически исследовано уникальное явление национальной культуры - народное деревянное зодчество Русского Севера в сакральном и повседневном смыслах.

4. Обоснован алгоритм взаимодействия культурологических дефиниций «народная архитектура», «Русский Север – особая территории наследия», «культурный ландшафт», «ойкумена русской культуры», «народное православие», «культурный код», «модель смыслополагания народной архитектуры Русского Севера», «северная модель культуры», «люди мира».

5. Сформирована модель смыслополагания народной архитектуры Русского Севера.

6. Доказано, что культурный ландшафт Русского Севера – это, прежде всего, крестьянский ландшафт сельских поселений, поскольку Русский Север сохранил древний обычай расселения, характерный для восточных славян – патронимию, а северные поселения, образующие характерный для региона гнездовой тип расселения, представляют собой архаичный пример жизнеустройства патриархального рода.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается фундаментальным характером поставленной проблемы и разносторонности ее разрешения; определении исходных теоретико-методологических позиций; комплексностью методологии, адекватной задачам работы; системным и полным обобщением; обширной апробацией в России и за рубежом.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для культурологического дискурса современной отечественной гуманитарной науки актуальной и не решенной в полной мере задачей остается раскрытие сущностных признаков и выявление концептов русской культуры. Важный подход к ее разрешению - выявление специфики отечественной культуры в ее доминантных проявлениях, каким является культурный концепт «Русский Север».

2. Русский Север может рассматриваться как модель русского мира, в котором присутствуют все компоненты, характеризующие духовную и социально-экономическую структуру государства. Здесь есть религиозный центр, гендерная составляющая, традиции земского самоуправления. Земство как идеальная для своего времени и места (отдаленная провинция рубежа веков) форма народного «общежителства» сохранилась в сознании северян в XIX – начале XX века.

3. Бытие Русского Севера – это модель жизни свободного, даже в эпоху крепостничества независимого, экономически обеспеченного, верующего русского крестьянина, «государственника» по своему мышлению, своего рода гражданина мира.

4. Особенности культуры Русского Севера определяются ее детерминированностью традициями древнерусской культуры, в связи с чем культурные смыслы жизни Русского Севера определялись идеей главенства внеличного начала, коллективности, всеобщности процессов культурного творчества, его анонимности; в качестве предметного воплощения времени и пространства выступает культурный ландшафт северной деревни, «являющий собой хороводную, соборную картину мира» (А.К. Чекалов).

5. В связи с тем, что на Русском Севере сохранился древний обычай расселения, характерный для восточных славян – патронимия, который привел к формированию гнезд (групп) селений, эти поселения представляют собой архаичный пример патриархального рода севернорусских крестьян.

6. Народная деревянная архитектура, созданная в большинстве случаев, неизвестными мастерами на основе общенародных архитектурно-строительных традиций, которые служат отражением коллективной и индивидуальной ментальности крестьянства, является одной из универсальных доминант традиционной культуры русского народа.

7. Семантика и архитектурно-художественный образ северного приходского храма являются отражением коллективной ментальности крестьянства, соотносясь с культурными смыслами православной картины мира. В связи с этим в основе сохранения традиционной культуры и деревянного зодчества утверждаются православие и мифопоэтическое мировоззрение русского народа.

8. Крестьянский дом, представляющий собой жилой комплекс дома-двора, в условиях Севера являлся одним из главных способов освоения природной среды. Это нашло отражение в архитектурно-конструктивных особенностях, типологии, декоре. Интерьер дома синтезирует в пространственно-предметной и символической форме повседневную культуру и ритуально-сакральные основы жизни традиционной крестьянской семьи.

9. На защиту выносятся значимая и впервые поставленная культурологическая проблема, - построение модели смыслополагания народной архитектуры Русского Севера. Первая составляющая модели – человек: свободный, духовно-наполненный, трудящийся, верующий, собирающий вокруг себя семью и близких. Вторая составляющая модели – крестьянское жилище, дом-двор с соответствующим декором, архитектурно-конструктивными особенностями. Третья составляющая модели – сакральные сооружения (храм, часовня, крест). Четвертая составляющая модели – сельский мир, представленный в традиционном поселении Русского Севера.

10. Мы доказываем, что орнаментация декора народной архитектуры представляла собой знаковую систему, репрезентирующую эстетическую и мифопоэтическую информацию. Орнамент как язык выступал в виде кода, передающего основные специфические особенности этноса.

11. Исследуя повседневную жизнь крестьянской семьи, мы обосновываем, что она протекала в семиотически насыщенной пространственной среде дома, интерьер которого представляет собой сложное взаимоотношение вещей друг с другом. Сама вещь в интерьере повседневной культуры северного дома выступает как культурный текст, включенный в исторически обусловленную знаковую систему.

12. Поскольку народная деревянная архитектура – единственный круг артефактов, в значительном объеме сохранившихся на Русском Севере, она может рассматриваться как культурный код Русского Севера, обеспечивший моделирующие качества культурного смыслополагания.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования

1. Осуществлялись на заседаниях кафедры культурологии и журналистики ФГБОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского».

2. Материалы диссертации стали основой выполнения научно-исследовательских работ, осуществленных под руководством автора по 5 грантам: РААСН «Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект изучения и сохранения (на примере с. Кимжа Мезенского района Архангельской области)», (проект № АА – 07 – 8/556), 2005 год; грант РГНФ для участия в 22 международной научной конференции Европейской ассоциации музеев под открытым небом в Финляндии (проект № 05 – 01 – 15067), 2005 год; грант в конкурсе по приоритетным направлениям развития науки в Архангельской

области «Историко-опорный культурный план – основной метод по изучению и сохранению культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера» (проект № 12-10), 2008 год; грант федеральной целевой программы «Культура России» на издание монографии «Русский Север как особая территория наследия», 2010 год; грант РГНФ «Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. XIX – начало XXI вв.» - исполнитель, руководитель раздела – Русский Север, (проект № 1001 00470 – А), 2010 - 2011 года.

3. Материалы диссертации использованы при формировании архитектурно-этнографической экспозиции Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», где автор работала в 1975 - 2002 годах и входила в научную группу создателей музея: при проведении обследований памятников деревянного зодчества, сельских поселений и народной культуры Русского Севера, выявлении и перевозке памятников, подготовке 4 научных тематико-экспозиционных планов на сектора музея, создании ряда музейных экспозиций по архитектуре и традиционной культуре.

4. Материалы диссертации использованы при создании телепередач по деревянному зодчеству, культуре Русского Севера, музею под открытым небом, фильма «АГМДЗиНИ «Малые Корелы» (2007), демонстрировавшегося на международных и российских конференциях, используемого в качестве учебного материала для студентов СПбГУКИ (филиал в Архангельске)

5. Материалы диссертации использованы при подготовке и проведении автором 5 конференций. Международные: «Пути сохранения и методы реставрации памятников деревянного зодчества» (1990); «Музей под открытым небом в современных условиях» (1993); «Народная культура и музеи под открытым небом. Пути сохранения и возрождения традиционной культуры» (1998) – (Архангельск, Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Европейская Ассоциация музеев под открытым небом); российские: «Научный проект «с. Кимжа – уникальное историческое поселение Русского Севера. Изучение, сохранение, развитие» (Архангельск, Институт экологических проблем Севера РАН, 2007), «Культура Поонежья X ? XXI вв.: общерусские черты и региональные особенности» (Каргополь, Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2010); двух секций VII, IX Конгресса этнографов и антропологов России: «Традиционное жилище и интерьер как маркеры этничности» (Саранск, 2007); «Крестьянский мир и сельский культурный ландшафт как объект наследия» (Петрозаводск, 2011).

6. Аprobация осуществлялись на 73 региональных, всероссийских, международных научных и научно-практических конференциях, в том числе 16 зарубежных, с 1987 по 2011 г. : «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний» (Омск, ОГУ, 1987); II European Conference of Museum Ethnography (Romania, Bucharest, 1996); Working Session of the Association of European Open Air Museums, (Croatia, Kumrovec, Museum "Staro selo", 2002); «Современная скансенология: теория и практика (Архангельск, АГМДЗНИ «Малые Корелы», 2003); «Русская культура и XXI век: Проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия» (Вологда, ВГПУ, 2004); Cima XIV. International Association Agricultural Museums (Czech republic Roznov pod Radhostem, 2004); 3, 7, 8 Санкт-Петербургские этнографические чтения (СПб, РЭМ, 2004, 2008, 2009); VI, VII, IX Конгрессы этнографов и антропологов России

(СПб, 2005; Саранск, 2007; Петрозаводск, 2011); «Забытое наследие. Как спасти деревянное зодчество России» (Петрозаводск, ПетрГУ, 2006); Первый, Второй Всероссийский Конгресс фольклористов (Москва, ГРЦРФ, 2006; 2010); Первый, Второй Российский культурологический конгресс (СПб, РИК; 2006; 2008); «Культурный ландшафт как наследие» (Москва, РНИИКПН, 2007); «Архитектурное наследие» (НИИТАГ, Москва, 2007, 2008); V, VI «Рябининские чтения» (Петрозаводск, 2007; 2011); XIV научные чтения памяти В. М. Василенко (Москва, ВМДПНИ, 2008); VII, VIII Международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня» (Омск, ОГАУ, 2008; 2010); XII международная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир» (Москва, ГРЦРФ, 2008); XVI международная конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, ПГУ, 2008); Зеленинские чтения — 2008 (СПб, Европейский университет, 2008); «); “Folk Heritage the World: From the Past through the Present into the Future” (Minsk, Institute of Arts, Ethnography and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus, 2009); «Кенозерские чтения – 2009» (НП «Кенозерский», 2009); XVI-е Санкт-Петербургские Религиоведческие чтения (СПб, ГМИР 2009); 16 (Romania, Bucharest, 1993), 18 (Estonia, Latvia, Lithuania, 1997), 19 (Germany, Molfsee, 1999); 20 (Hungary, Szentendre, 2001); 21 (Great Britain, Glasgow, 2003); 22 (Finland, Turku, 2005); 23 (Netherlands; Belgian, 2007); 25 (Slovak republic, Bardejov and Czech republic Roznov pod Radhostem, 2011) Conferences Association of European Open Air Museums; «Музеология – музееведение в XXI веке: Проблемы изучения и преподавания» (СПб, СПбГУ, Университет им. Т. Масарика (Брно, Чехия), 2010); «Деревянная культовая скульптура», (Москва, ВМДПНИ, 2010); «Образы города в горизонте российской динамики» (Ярославль, ЯГПУ, 2010); “Rural Contemporary Landscape” (Poland, Gdansk, 2011).

7. Результаты исследования внедрены в образовательный процесс ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» в г. Архангельске.

Результаты исследования опубликованы в 3 монографиях (общим объемом 89 п.л.), а также 84 статьях, вышедших в различных журналах и сборниках, включая 15 статей в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для докторских диссертаций, 2 брошюрах (общим объемом 34,9 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав (Глава 1. «Культурные смыслы народной архитектуры в контексте ландшафта Русского Севера», Глава 2. «Сакральные смыслы народной архитектуры Русского Севера», Глава 3. «Повседневные смыслы народной архитектуры Русского Севера», Глава 4. «Сельский мир – модель смыслополагания народной архитектуры Русского Севера»), заключения, списка принятых сокращений, списка источников и библиографического списка литературы, включающего 635 наименований; 4 приложений: № 1. Таблица экспедиционных обследованных поселений, памятников и артефактов народного зодчества Пермиловской А.Б. в период с 1981 по 2010 года; № 2. Избранные фото обследованных поселений, памятников и артефактов народного зодчества, обмеры, архивные материалы (50 ил.), историко-культурный опорный план культурного ландшафта с. Кимжа, Мезенский район; № 3. Список информантов; № 4 Рекомендации по сохранению сельских культурных ландшафтов Архангельской области. Общий объем работы – 585 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснованы актуальность исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, достоверность результатов; сформулирована гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту; определены его цели, задачи, объект и предмет, хронологические и территориальные границы, эмпирический материал; обозначены теоретико-методологические ориентиры, охарактеризован личный вклад, апробация и внедрение; отражена структура работы.

Глава 1. «Культурные смыслы народной архитектуры в контексте ландшафта Русского Севера» посвящена исследованию историко-культурного феномена «Русский Север», носителю культурных смыслов, имеющих базисное значение для отечественной и мировой культуры, подтверждением которому служит уникальное народное зодчество и традиционный ландшафт.

В параграфе 1.1. «Русский Север как особая территория наследия» осуществлено исследование народной культуры Русского Севера как культуры северной провинции, которая сформировалась на окраинных рубежах российского государства. Особенности культуры Русского Севера – это, прежде всего, результат яркого проявления русского хронотопа: смыслового единства времени и пространства, слияния в единое целое социокультурной и географической среды. Слитность и сплоченность бытия людей в культурном пространстве и связанная с этим ансамблевость древнерусской культуры позволили Д.С. Лихачеву сравнить весь комплекс ее памятников с «одним грандиозным целым, колоссальным произведением, поражающим нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, выступающими в неповторимые сочетания». В качестве предметного воплощения гармонии времени и пространства, согласно нашим исследованиям, выступает культурный ландшафт северной деревни, «являющий собой хороводную, соборную картину мира» (А.К. Чекалов).

Как установлено в нашем исследовании, специфической особенностью культуры Русского Севера является то, что она сформировалась в экстремальных географических и климатических условиях и по сей день является границей ойкумены. Народная культура Русского Севера создана на пределе выживания этноса, когда актуальным становится вопрос о ее существовании. Она формировалась и функционировала в специфическом этническом и культурном окружении, вот почему северная русская культурная традиция была крайне продуктивной и творческой.

В подобной «рубежной» ситуации культура мобилизует все свои внутренние ресурсы. В ней включаются механизмы самосохранения, связанные с обеспечением ее целостности. В борьбе за выживание отбрасываются многие несущественные черты, и резко повышается ее стремление к сохранению культурной идентичности, акцентируется рефлексивность, интровертность (Н.М. Терехихин). Культура обращается к своим исходным основаниям, возрастает роль ее самосознания, духовности, которые служат опорой для ее самосохранения. Вот почему родовые черты культуры в северной русской традиции были сохранены в своей первоизданной сути. Если в других землях русского государства происходило затухание, омертвление архаических традиций, то закрепленная на Севере модель русской культуры порождала все новые и новые «тексты» культуры, которые были подобны древнерусским образцам.

Образ Русского Севера сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания. В научной литературе понятие «Русский Север» начинает широко употребляться с 60-х годов XIX века, приходя на смену ранее бытовавшим: «Заволочье», «Поморье», «Поморский край», «север России». Одними из первых, кто использовал топоним *Русский Север*, были архангельский губернатор А.П. Энгельгардт (1896), историк и правовед М.М. Богословский (1909, 1912): используются нетопонимическая форма словосочетания – *русский Север* («русский» со строчной буквы) и топоним *Русский Север*.

На Севере именно природный ландшафт определил направление колонизационных потоков, тип расселения, планировку поселений. Предпочтение отдавалась рекам, игравшим роль основных транспортных артерий края. Для Русского Севера наиболее характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами, что привело к созданию известных архитектурно-природных ансамблей. Условия исторического развития северных территорий способствовали своеобразной консервации реликтового крестьянского ландшафта, который в настоящее время является объектом российского и мирового культурного наследия. В мировой практике *территория наследия* – это территория, ограниченная географическими и этнографическими параметрами, где сохранились объекты историко-культурного наследия, не всегда верифицированные как таковые, сконцентрированные в силу многих причин и вопреки вмешательству техногенных сил в определенной степени изоляции. Русский Север сохранил именно такие специфические ареалы, с определенными старинными артефактами, и является *особой территорией наследия*.

Сельский культурный ландшафт в изучаемом нами аспекте – это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру. До настоящего времени Русский Север сохранил во многом нетронутые пласты народной культуры. Здесь сконцентрированы выдающиеся архитектурные памятники – замечательные образцы древнерусского деревянного зодчества, монастырские ансамбли, исторические поселения и города. Важной особенностью Севера является сохранность природных ландшафтов, естественность и красота культурно-ландшафтного окружения большинства поселений, в силу чего мы соглашаемся с Д.С. Лихачевым: «Русский Север – это огромный, раскинувшийся на тысячи квадратных километров музей, причем с большим запасом невыявленных и неисследованных экспонатов...». Культурный ландшафт является специфической категорией наследия. Отдельные его виды могут совпадать с другими видами памятников истории и культуры (музеи-заповедники, музеи-усадыбы, дворцово-парковые ансамбли). Верификация сельского культурного ландшафта как объекта наследия представляет собой самостоятельную научную проблему, связанную с выявлением культурных смыслов особой территории наследия применительно к историческим поселениям и памятникам народной деревянной архитектуры Русского Севера.

Региональные особенности культуры Русского Севера формировались под влиянием многих факторов. Важнейшими из них были: пространственно-географические и климатические, социально-исторические и экономические (отсутствие монголо-татарского ига и широко распространенного крепостного права, заселение Севера русскими), духовные (монастырская колонизация, влияние старообрядчества), коммуникативные (тесные культурные контакты с

другими этносами – финно-уграми, народами Северной Европы). В традиционной культуре Русского Севера сказалось влияние средневековой русской и европейской городской культуры, а также в целом влияние Англии, Голландии, Германии, Норвегии. В XVI – XVII веках торговый оборот Архангельска был одним из самых больших в Европе. Среди северноруссов выделяется этнографическая группа (субэтнос) *поморов* — русское население, проживающее на берегах Белого и Баренцева морей. Крестьяне-земледельцы, пришедшие сюда из Новгородских и Ростово-Суздальских земель, сделали своим «полем» море, где добывали рыбу, морского зверя, создав своеобразную *поморскую культуру*. Поморские и норвежские жители имели смешанный язык - *руссенорск*. Все это позволяет утверждать, что жители Русского Севера были скорее своего рода *гражданами мира*, чем подневольными подданными Российской империи.

Особая роль Русского Севера в истории русской культуры связана с тем, что он в силу указанных причин стал своего рода хранителем ее «генофонда». Русский Север – это страна зодчих (в конкретном и условно-символическом смысле), огромный и единственный в своем роде на территории современной России исторически сложившийся заповедник народного деревянного зодчества, которое по праву считается одной из вершин русской народной архитектуры.

В параграфе 1.2. «Региональные особенности сельского поселения в культурном ландшафте Русского Севера» утверждается, что именно поселение репрезентативно с точки зрения воплощения культурных смыслов народной архитектуры. Они исследованы на примере одного из репрезентативных регионов Русского Севера – Мезени, который развивался как часть общего северного территориально-культурного пространства и сохранил до настоящего времени исторический культурный ландшафт и уникальное деревянное зодчество. Регион Мезень располагается в бассейнах рек – Мезени, Кулоя и побережья Мезенской губы. Культурный ландшафт мезенских поселений сформировался под влиянием нескольких этносов, кроме русского населения на этой территории проживали ненцы и коми-зыряне. В мезенском диалекте много слов из коми, так называемых прибалтийско-финских языков. Особенно это касается топонимов, а также названий одежды, обуви, предметов быта. Финно-угорская чудь и русские на Севере сосуществовали сотни лет, в течение которых происходила ассимиляция чуди.

В бассейне реки Мезень сформировались две большие этнические группы русского населения: «поморы» и «поречане», главное различие между которыми было в ведении хозяйственной деятельности. Причем, если термин «поморы» часто встречается в этнографической и исторической литературе, то термин «поречане» можно встретить, только в редких дореволюционных изданиях. Селения мезенских поморов находились не только на самом побережье, но и на значительном расстоянии от него – до 45 км и далее. Неслучайно многие мезенцы идентифицируют себя с поморами.

Обилие на Мезени леса, преимущественно состоявшего из ценных пород (лиственницы, сосны, ели), позволяло местному населению возводить добротные жилые, хозяйственные и культовые постройки, часто весьма значительных размеров. Наиболее типична для мезенских поселений рядовая планировка. Дома ставили вдоль высокого берега реки с ориентацией на юг, юго-восток. В архитектуре мезенских деревень ярко проявились находчивость и сметка крестьян в борьбе с суровыми природными условиями северного края. Селения

располагались по высоким берегам рек. Крутые берега легко размывались при таянии снега, затяжных дождях. Чтобы укрепить их, мезенские плотники рубили подпорные стенки, на них стлали мостки. На эти своеобразные деревянные набережные ставили амбары, ледники, ближе к воде – бани. Мезень органично репрезентирует культурный смысл северного поселения как материального и духовного соразмерного человеку архитектурного ансамбля.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что культурный ландшафт Русского Севера – это, прежде всего, ландшафт крестьянских (сельских) поселений. По социально-экономическим признакам мы выделяем следующие типы поселения: *погост, деревня, село, почин (выставка, окол), слобода и посад.*

Все названные типы имеют русское происхождение, их формирование связано с колонизацией северных земель русскими. В русских летописных документах слово «село» встречается в 907 году, «погост» - в 947 году, «деревня» - в 1096, «острог» - в 1192, «слобода» - в 1237, «починок» - в 1378 году. Кроме того, в тех же документах применяются и производные этих слов, наряду с селом – «сельцо», «селишко», «селище», рядом с деревней - «деревнишка», «деревушка» - термины, уточняющие размеры и общественное значение отдельных населенных пунктов. Термин «село» – один из самых древних, встречающихся во всех славянских языках. Под ним понималось центральное поселение, к которому тяготеют деревни и в котором находится церковь. Слово «погост» означает: сельский приход, несколько деревень под общим управлением и одного прихода; волость; отдельно стоящая на церковной земле церковь, с домами попа и причта. На Русском Севере, в Поморье существовал особый тип поселения *погост с деревнями*. «Деревня» – это основной тип поселения русских крестьян, состоящий от 1–3 до 10–15 и более дворов. Основным отличием деревни от села по порядку, принятому в Российской империи, было отсутствие церкви в деревнях, однако на Русском Севере во множестве северных деревень имелись храмы. По документам XV века наблюдается семантическая тождественность обоих терминов, выразившаяся в том, что они употребляются как синонимы.

Почин – это однодворное селение. Во времена новгородской колонизации Севера этот термин употреблялся в значении основания нового поселения (*почин, начинать*). По существу именно этот процесс и приводил к формированию здесь гнезд (групп) селений. У восточных славян был распространен обычай патронимии, в ряде поселений жили группы семей, которые вели происхождение от общего предка, их усадьбы и дома были сконцентрированы в одном месте. Часто дома принадлежат однофамильцам. Мы считаем, что этот древний патронимический обычай характерен для Русского Севера. Родственные группы севернорусского населения характеризуются совместным пользованием земельными угодьями, коллективизмом в сельскохозяйственных работах и постройке жилища. Например, на реке Пинеге селения состоят из нескольких деревушек – *околов*, разбросанных вдоль реки на расстоянии 2 – 3 км. Так, Карпова Гора состоит из 5 околов, д. Веркола – из 6, с. Кеврола – из 12. Околы могли ставиться рядом друг с другом, при разрастании поселений фактически сливались, но могли отстоять друг от друга на несколько километров, как, например, в с. Сура. В большинстве случаев названия околов имеют славянское происхождение: Ростово, Кондратьицы, Новинчины. Топоним, означающий поселение в целом, как правило, финно-угорский - Ваймуши, Пиремь, Кушкопала, Чучепала, он был оставлен аборигенным неславянским населением края.

Слобода — это многодворное поселение, где жители занимались неземледельческим трудом. Иногда так называли большое село, имевшее более одной церкви и ярмарку. Посад – это поселение, состоявшее из лавок и дворов торгово-промышленных людей, группировавшихся вокруг города (кремля, городских стен). На Севере слово «посад» означало городское поселение без укреплений, торговое селение. Формирование крупных посадов: Неноксы, Уны, Луды (Летний берег), образовавшихся в Поморье в XIII - XIV веках, обусловлено тем, что они являлись крупными центрами солеварения и торговли солью и были экономически связаны с различными регионами Русского государства.

На Русском Севере выделяются специфические варианты сельского расселения, причем сакральные и повседневные смыслы крестьянского мироустройства отражаются в расположении поселений и природного ландшафта: 1) селения при большой реке на одном берегу (с. Дорогорское Мезенский район – река Мезень; с. Чухчерема Холмогорский район, с. Черевково Красноборский район – река Северная Двина; с. Турчасово Онежский район – река Онега), 2) селения при малой реке, расположенные на одном или обоих берегах реки (с. Кимжа Мезенский район - река Кимжа, с. Ошевенское Каргопольский район – река Чурьёга), 3) селения при озере или озерной группе (деревни Кенозерья), 4) приморско-промысловое расселение. Последний вариант характерен для побережья Белого моря, к нему можно отнести такие крупные села, как Ненокса, Пурнема, д. Верхняя и Нижняя Золотица Приморского района (на реке Золотица и на морском побережье), с. Малошуйка, с. Кушерека Онежского района (по берегам рек Малошуйка и Кушерека, недалеко от побережья Белого моря).

Форму поселения определяет его планировка и ориентация жилых домов. Повседневные смыслы народного зодчества нашли отражение в выборе места для строительства дома, его ориентации к солнцу, что в условиях Севера имело первостепенное значение. Таким образом, для сельского поселения на Русском Севере самая распространенная форма – прибрежно-рядовая с ориентацией жилых фасадов на реку и «на лето»или «лицом к солнцу», на юг, юго-восток и юго-запад; также получили распространение свободная, рядовая, кончанская, уличная, смешанная формы поселений.

Глава 2. «Сакральные смыслы народной архитектуры Русского Севера» представляет не разработанное ранее направление исследований в сфере культурологии: изучение культовой народной архитектуры в историко-типологическом и структурно-семантическом аспектах.

Параграф 2.1. «Семантика строительной обрядности и плотницкое мастерство Русского Севера». В XVII – XIX веках на Русском Севере сформировалась уникальная строительная культура, включавшая в себя технические и художественные способы обработки дерева. Строительные традиции в культовом зодчестве Русского Севера достигли своего расцвета в XVII – XVIII веках, в гражданской архитектуре к середине – концу XIX века. Высокая строительная культура Русского Севера берет свои истоки в плотницкой традиции Древнего Новгорода.

Семантика строительной обрядности выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Русского Севера оберегали свои сакральные ценности, в ней отражалось своеобразие народной культуры, ее связь с окружающим миром. В строительной обрядности существенная роль принадлежит

таким аспектам, как выбор места, времени и материала для строительства, обряд строительной жертвы, укладка первого венца, обряд перехода в новый дом. Происходившая на Русском Севере сакрализация плотницкого ремесла порождала оппозицию: святое / нечистое. Представления о плотниках, строивших дома или хозяйственные постройки, включали нечистую, «колдовскую» семантику: «с плотниками, которые избу рубят, надо честно обходиться, чтобы они не заговорили избы на голову хозяина». Строители храмов, напротив, считались святыми людьми, наделёнными божественной силой. Это противопоставление двух ипостасей плотницкого мастерства основано также на оппозиции: дом/храм, которое соразмерно микрокосмосу/макрোকосмосу.

Народные зодчие высоко оценивали качества древесины как строительного материала (сосна, ель, лиственница), её обилие и дешевизну, способность сохранять тепло, сравнительную долговечность и, наконец, «спорость» – возможность возводить деревянные строения в короткие сроки и практически в любое время года. Конечно, век деревянных строений был короче, чем у каменных, жилые постройки стояли не более 200 лет, культовые – 400 лет.

Большое значение для строительства дома имел выбор деревьев не только в практическом, но и его сакральном смысле. Существовал целый ряд деревьев, которые нельзя было использовать для строительства. Культовые деревья, рощи и камни являлись объектом почитания и жертвоприношения, местом совершения сакральных обрядов и аналогом храма. Сакральный смысл несли деревья, выращенные человеком и находящиеся в пределах усадьбы, запрещалось использовать их при строительстве. Дерево, посаженное около дома, воплощало идею непрерывности рода, как и сам дом, если что-то одно перестает существовать, другой объект отчасти компенсирует утрату.

Культурные смыслы народной архитектуры, найдя отражение в плотницком мастерстве, коснулись сакрализации, как самого ремесла, так и его главного инструмента – топора. Топором плотник мог сделать практически всё, недаром говорилось: «Дай крестьянину топор, и он починит даже часы», поэтому не случайно плотников в Древней Руси называли «рубленниками». Кроме топора, в набор плотницких инструментов входили скобель для ошкуривания брёвен, тесло для выемки пазов, долото и просека для пробивания отверстий в брёвнах и брусках. При строительстве использовали также молоток, кувалду, циркуль и черту. Конструктивно деревянные постройки возводились практически без гвоздей. Бревна связывались между собой в венцы. Наибольшее распространение получили типы рубок: «в обло», «в лапу», самцовая конструкция кровли так же делалась без гвоздей. Крестьяне применяли деревянные гвозди — «нагели» или использовали минимальное количество железных гвоздей. Уже в Древней Руси существовали специальные «щепные базары», где продавали в разобранном виде дома, амбары, бани, небольшие культовые постройки. Эта традиция сохранилась на Русском Севере, где плотницкое мастерство и строительная обрядность имели глубокий культурный смысл с явным сакральным вектором.

Параграф 2.2. «Культовое зодчество Русского Севера как отражение традиционной картины мира крестьян: храм, часовня, крест».

Храм. Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство. В храме воплощался образ Вселенной. Храм как

обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского мира. В культурном ландшафте Русского Севера сформировался его высокий статус. Для человека организованное им жилое пространство – своеобразная модель окружающего мира. Храмы как символы мироздания господствуют в этом пространстве, жилище человека составляет второй план, хозяйственные постройки – третий. Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края; так же, как и названия деревень, храмонаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. В этом явлении просматриваются определенные черты системы духовных ценностей общества, особенности мировоззрения создателей этих храмов. «Имя оценивается церковью, а за нею – всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия» (П.А. Флоренский). На Русском Севере более всего было выстроено храмов во имя Николая Чудотворца, вмч. Георгия, Флора и Лавра, Власия Севастийского и Ильи Пророка, Параскевы Пятницы. Подобный выбор посвящений типичен для крестьянина, земледельца и скотовода, поскольку вполне соответствует традиционному покровительству православных святых в народной культуре.

Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Святого Николая, в его образе воплотились верования северян в своего русского и морского бога, и нашло своеобразное подтверждение в народном мировоззрении: «от Холмогор до Колы – тридцать три Николы». Икона с изображением Николая Чудотворца была в местном ряду почти каждого северного храма и красном «святом» углу крестьянской избы. «В иконе Николы усматривается как бы квинтэссенция иконы как таковой, т.е. выражение самой сущности иконы» (Б.А. Успенский). Недаром в народе бытовала поговорка: «Нет икон как Никол» и существовало убеждение, что каждая икона Николы является чудотворной.

Значимая роль храма в структуре микро- и макрокосмоса Русского Севера отразилась также в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни), поселения. Этот выбор делался с помощью гаданий и живых священных животных (конь), а также предметов (дерево, икона, крест, свеча), обладающих высокой степенью семиотичности и особым сакральным статусом в традиционной крестьянской культуре.

Основу мировоззрения русского крестьянства составляло православие, куда вошли дохристианские, языческие верования славян. В настоящее время оно получила название «народное православие». Мы полагаем, что в культурологическом исследовании по народной архитектуре важен такой подход, который предусматривает аутентичное рассмотрение культуры, что дает большие возможности для понимания глубинного смысла культурных традиций, для реконструкции целостной картины мира их носителей. Для выявления культурного кода Русского Севера (народного деревянного зодчества) предложена метафора, берущая свое начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества и воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения: «Как мера и красота скажут». В старинных договорах, которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками), обычно встречаются такие выражения: «...а строить высотой, как мера и красота скажут».

Часовня как безалтарный храм предназначалась для упрощенного богослужения без литургии, а на Русском Севере служила местом молитвенных собраний жителей малодворных деревень, населенных членами одной патриархальной семьи. Находясь в отдалении от церквей, часовни были храмами малого крестьянского прихода и сохраняли автономность существования, особую атмосферу совершения обрядов. Часовни – одно из наиболее ярких проявлений народной архитектуры Русского Севера, они прочно вошли в сложившуюся систему культурного и сакрального ландшафта. Переписью часовен, проведенной в 1692 году в одном из районов Севера – Поважье, подтверждается общее количество учтенных часовен – 433, причем наиболее распространенным типом следовало считать часовню с приходом в четыре двора. Места постановки часовен указаны следующие: «в волости 5, на посаде 2, на погосте 19, около погоста 1, в деревне 302, у деревни 14, между деревнями 9, на горе 3, в пустоши 2, в слободке 10, в поле 5, за полем 4, в наволоке 1, на реке 3, на озере 1, на плесе 1, неизвестно 60». Самый распространенный вариант – часовня в роще, таким образом, можно говорить о существовании сакральных или природно-сакральных комплексов. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которых находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, целебный источник. Священные рощи как культовые места сохранялись в XIX – XX веках, в наши дни они также присутствуют в традиционном культурном ландшафте Русского Севера, в частности на западе региона (Карелия, Каргополье, Кенозерье – на территории Национального парка «Кенозерский» находится около 40 святых рощ).

Яндекс.Директ Все объявления Каталог авторефератов РГБ Доставка из РГБ за 20 минут, круглосуточно (24x7), поиск по авторефератам. dissercat.com Малая авиация на SkyCatalog.ru Характеристики самолетов и вертолетов. Фотографии и описание моделей. skycatalog.ru

Необходимо указать на пограничный характер топографии часовен в культурном ландшафте. Часовня, как и крест, возводится на границе: сельских угодий, деревни и кладбища, на берегу реки или озера, на острове (граница земли и воды), при дороге. Причины постановки часовен можно определить исходя из их типологических признаков, связанных с функциями. По типологическим признакам эти культовые постройки можно отнести к следующим группам. Часовня – это место проведения богослужения. На кладбищах чаще всего сооружались поминальные часовни, к этому же типу относятся часовни-усыпальницы, возведенные над мощами местночтимых святых (Петр Черевковский, Артемий Веркольский). Один из самых распространенных типов – это обетная часовня, к числу которых относятся «обыденные» часовни, строившихся по обету «во един день». Подобный подход к строительству содержал глубокую сакральную семантику. На строительство «обыденного» храма или часовни, от начала постройки до освящения должен пройти только один день, ночь (одни сутки), причем предполагалось соблюдение всего технологического процесса. В семантике «обыденности» заложен признак спрессованного времени. Существовали обыденные (и посему – деревянные) церкви различного времени: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет. Это требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма/часовни и его относительную недолговечность.

Характерным явлением морской культуры Русского Севера было возведение промысловых часовен в становищах – временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов, на островах Белого и

Баренцева морей. В конце XVII века православные часовни в России получили устойчивую связь со старообрядческим движением, превратившись в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Старообрядческие часовни оставались единственной разновидностью храмов, признаваемой ревнителями «истинного благочестия». На Мезени, как и в ряде других районов Русского Севера, получили распространение часовни-амбаронки, часовни-келейки. В изучаемом регионе часовни стали сооружениями истинно народной архитектуры, явлением, в котором проявился феномен народного православия на Русском Севере.

Крест. Традиция постановки деревянных крестов в разных регионах России существовала с древних времен (XI век). Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры и скульптуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. Кресты, которые сохранились на Русском Севере до настоящего времени, можно датировать XIX – первой половиной XX века. Значительная часть их располагалась на побережье Белого моря, на островах Соловецкого архипелага, на Новой земле, в бассейнах рек Мезени, Пинеги, на Каргополье. На Русском Севере получили распространение восьмиконечные кресты. Часто они были расположены под специальным навесом на столбах, установленных по его контуру. Также они могли находиться в храмах, часовнях, специально построенных часовнях-амбарах, реликвиях (футлярах) для их хранения. Деревянные кресты часто называли обетными, хотя значение и случаи по которым они ставились гораздо шире. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце. Высокие, с двухэтажный дом, обетные кресты Мезени и Поморья украшались также фартуками, шелковыми платками, куклами, сюда клали деньги.

Типологически деревянные кресты можно отнести к следующим группам, учитывая то значение и роль, которую они выполняли: поклонные, обетные, памятные, маячные, поминальные, охранительные, кладбищенские, благодарственные. Особой группой на Русском Севере выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей. Поморы ставили кресты на дальних становищах и в арктических зимовьях с целью подать весть о себе в случае гибели. В Поморье, имея мощную подпитку из Соловецкого монастыря, в течение столетий сложилась особая православная островная культура мореходов. Деревянный восьмиконечный крест стал ее центральным символом. Кресты морских первопроходцев вели не одно поколение поморов от одного залива к другому, от одного острова к следующему. Защитная сила креста диктовала особые условия формирования жизни на новом пространстве, где крест являлся центром окружающего ландшафта. В XIX веке на Мезени было налажено ремесленное производство деревянных крестов. В ходе наших полевых исследований были установлены центры их изготовления - деревни Нисогора и Кельчемгора бывшей Юромской волости Мезенского уезда. В д. Кельчемгора в конце XIX – середине XX веков работали резчики: отец и сын – И. К. и М. И. Орловы.

Крест как один из главных символов православия занимал центральное место в культурном ландшафте Русского Севера. Глубокий сакральный смысл, заключенный в образе креста, отражает семантику памяти - осмысление длящейся во времени жизни и отношение ее к вечности. В Поморье, где сложилась морская культура, культурный смысл креста дополнительно отражал

особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную, и сакральную миссию.

Глава 3. «Повседневные смыслы народной архитектуры Русского Севера» посвящена исследованию крестьянского дома как основополагающего явления культуры и средоточию культурных смыслов народной архитектуры Русского Севера.

Параграф 3.1. «Социокультурные характеристики крестьянского дома». Дом, так же как и храм, выступает смылособирающей доминантой культуры Русского Севера. Крестьянский дом в символической форме воплотил главные ценности и смыслы человеческого существования. Дом – это пространственно-предметная среда удовлетворения важнейших биологических потребностей крестьянской семьи: защита от неблагоприятных природно-климатических условий Севера, место питания, сна, продолжения рода. Дом был пространством труда и отдыха, в нем протекали временные координаты бытия (день-ночь, годовые сезонные циклы, будни и праздники). В жилище осуществлялся процесс социализации, взаимодействия поколений и родовых связей большой традиционной семьи.

Для крестьянина дом – это модель мира. Модель мира может трактоваться как вся территория (культурный ландшафт), обживаемая и обрабатываемая человеком. Вместе с тем дом в этом освоенном пространстве культуры является смысловым ядром. В модели мира дом представляет собой одну из основополагающих семантем. «С одной стороны, дом принадлежит человеку, представляет его целостный, вещный мир. С другой стороны, дом связывает человека с космосом, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» (Т.В. Цивьян). Думается, что в контексте представлений о модели мира сформировалась традиция изображения звездного неба и солнца под крышей крестьянских домов, причем, иногда форма верха кровли напоминает форму купола храма. Верх крыши изнутри расписан — синее небо с золотыми звездами. В центре купола «светит» деревянное резное солнце – *ветренница*. Подобный мотив росписи жилых домов перекликается с росписью деревянных храмов и часовен Каргаполя.

Дом – это организованное пространство, в котором человек существует с момента своего рождения и которое обживает, осваивает в континууме своего существования в нем. Для взрослого человека дом означал широкий круг понятий: кров, семью, некое определенное место на земле, в этом смысле слово *дом* традиционно используется как синоним *родины*. Слово «дом» в русском языке означает не только «строение для жилья или избу со всеми ухажаями и хозяйством», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами» (В.И. Даль). Дом, сооруженный руками хозяина или его родителей, воплощает идею семьи и продолжения рода. Архитектурно–планировочная структура северного дома – это отражение жизни и хозяйственной деятельности большой неразделенной семьи. Дом осмыслялся в повседневной народной культуре как *сосредоточение основных жизненных ценностей*, таких как счастье, достаток, единство семьи и рода включая не только живых, но и умерших. Важнейшая символическая функция дома – *защитная*. Резное деревянное солнце под крышей крестьянского дома – пожелание счастья, благополучия его хозяевам. Верхняя часть фронтона северной избы расписывалась целыми сказочно-декоративными композициями: цветами, птицами, геральдическими львами, единорогами. Другая важная функция крестьянского дома в культурном пространстве – это его *сакральность*

(храм для крестьянина – это тоже дом, только Дом Божий). Изба же всегда имеет святой, или «красный» угол. В христианском контексте дом для проживающей в нем семьи является подобием храма. В нем висят иконы, совершается ежедневная молитва.

Важной функцией жилища являлась его *социальная принадлежность*. В семантическом значении дом выступал как один из основных источников и трансляторов информации. В некоторых регионах уже издали, только на основании внешнего вида дома, можно определить национальность владельца, его экономическое и социальное положение. Дом — место совершения множества разнообразных *ритуалов*, характеризующих не только время жизни семьи, но период и процесс сооружения, которые сопровождалось многочисленными символическими действиями, регламентировалось временными, магическими правилами и запретами.

Крестьянский дом-модель, подобно Вселенной, делился на три мира: нижний (преимущественно нечистый) — подвал, подполье, средний — жилые помещения, верхний (устремленный в небо) — чердак, крыша. Дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое — открытому, внутреннее — внешнему. Четыре стороны дома обращены к четырем сторонам света, а три уровня по вертикали соответствуют трем уровням Вселенной. Если экстерьер жилища обращен к внешнему миру, то интерьер — к семье, роду, отдельному человеку. Сбалансированность практических и символических функций северного дома определила ту исключительную роль, которая дает возможность говорить о жилище как об основополагающем феномене культуры Русского Севера.

Параграф 3.2. «Типологические и архитектурно-художественные особенности северного дома». Жилище является одним из наиболее существенных и сложных элементов культуры Русского Севера. Жилые постройки, представляющие собой культурно-бытовой комплекс, связаны с различными сторонами жизни человека, включая природные, хозяйственные стороны, микро- и макросоциум, религиозную и эстетическую сферы. Всё это в той или иной степени влияет на тип, размеры, интерьер, декоративное убранство северного дома. Сочетание традиций и естественной жизненной динамики придает большое разнообразие типологии крестьянского дома-двора. Основная трудность систематизации представлений о жилищах состоит в выборе принципа классификации. На основе обобщения значительного по объему эмпирического материала, мы предлагаем три основных принципа, на основе которых может быть построена типология северного дома: (1) по способу соединения жилья и двора, (2) по конструктивно-планировочному решению жилой части, (3) по внутренней планировке избы. Так, в зависимости от соотношения жилой и хозяйственной части можно выделить следующие типы: «брус», «глаголь», «кошель», «Т-образная связь», «двухрядная связь». По конструктивно-планировочному решению жилой части получили распространение: избы: *четырёхстенки, шестистенок (с вариантами: изба с прирубом, изба-двойня без заулка, изба-двойня с заулком), пятистенки и крестовики*. По внутренней планировке русского дома выделяются *севернорусский, восточный южнорусский, западный южнорусский, западнорусский*.

Столетиями формировавшаяся архитектура жилища Русского Севера к XIX веку обрела свой завершённый смысл и конкретный образ, что отразилось в его архитектурно-планировочном решении. Сложный бытовой комплекс прекрасно

продуман в мельчайших деталях, предельно компактен и приспособлен к суровым климатическим условиям. Большинство домов были двухэтажными. Жилые избы располагались на высоком подклете, используемом для хранения продуктов, хозяйственных нужд. Под одной крышей с жильем находились хозяйственные помещения: хлев для скота и поветь-сеновал, куда по широкому бревенчатому взвозу можно было въехать прямо на телеге или санях. До 2/3 всего комплекса дома-двора занимал двухъярусный хозяйственный двор. Объединение жилья и двора под одной крышей давало возможность вести хозяйство, ухаживать за скотом в зимнее время, не выходя из закрытого помещения. Северная изба отличалась большими размерами, обилием жилых помещений, в некоторых районах богатым резным декором, использованием полихромных росписей для украшения экстерьера и интерьера. Недаром местные жители свои дома называли «хоромами». Архитектурно-планировочная структура северного жилища – это отражение жизни и хозяйственной деятельности большой неразделенной семьи. Из таких домов выходило на полевые работы сразу по 20 – 25 человек, а в его хлевах содержалось до трех десятков голов скота.

Исследовав типологические особенности эволюции приёмов соединения «дома-двора», мы установили, что эволюция типов северного крестьянского жилища происходила в трех направлениях. Для запада региона (Каргополье) характерно развитие жилого комплекса по продольной оси, путем присоединения сзади сеней еще одного жилого помещения – избы, горницы, клети. В бассейнах рек Двины, Вычегды, Ваги, Пинеги, Мезени изменение крестьянского жилища шло за счет увеличения габаритов передней избы, деления внутреннего пространства на две части (пятистенок), на три части (шестистенок), т.е. определялось поперечным развитием дома. Третий путь – это увеличение жилой площади за счет пристройки к избе дополнительных срубов («зимние», «боковые», «низкие», «скотные» избы), - был характерен для всего Севера. Анализ архитектуры северного дома и его типологических особенностей позволяет указать на общность художественных и строительных традиций, лежащих в основе возведения жилых построек всех типов, указав на то, что в качестве модуля формирования жилого комплекса послужил четырехстенный сруб.

Обследование нами регионов Русского Севера (Каргополье – Онега, Мезень, Пинега, Двина, Вага, Поморье) позволило установить, что наиболее распространенным было устройство жилой и хозяйственной части по типу «брус» (исключение составляет Каргополье), имелись различные варианты жилой части: четырехстенок, пятистенок, шестистенок, крестовик. Для ряда районов Русского Севера, расположенных по течению рек Ваги, Устья, Кокшеньги, характерны дома-комплексы на «два жилья», где жилище состоит из трех главных частей: «перед» — летнее жилье; «середка» — скотный двор, хлев, поветь; «озадок» — зимнее жилье. В этом случае все помещения соединяются между собой сенями — «летним мостом», «зимним мостом».

В диссертационной работе исследовано такое архаичное явление, как курные избы XIX – начала XX века, выявлены причины их длительного бытования. Наибольшее распространение (до середины XX века) они получили на Каргополье, там они назывались «рудными», т. е. *грязными, зачерненными*. Высота и трапециевидный потолок роднят каргопольские избы (Ошевенск) конца XIX - начала XX века с курными избами древнего Новгорода X – XIII веков, которые имели аналогичное конструктивное устройство.

Культурные смыслы народной архитектуры нашли воплощение в многообразии типов крестьянского дома-двора Русского Севера. Дом являл собой модель мировоззрения северных крестьян, типологические и архитектурно-планировочные характеристики составляли не только основу в конструкции жилища, но и в конструкции крестьянского мировоззрения.

Параграф 3.3. «Семиотика повседневной культуры в контексте народной архитектуры Русского Севера». Повседневная жизнь в северном крестьянском доме была наполнена глубоким символическим содержанием, ее основу составляла семья. Четкий, отработанный ритм каждодневных работ сочетался с разумным их распределением. Ритмичность была присуща как каждому циклу сезонных работ и сельскохозяйственному году в целом, так и системе поведения, основанного на своеобразных ритуалах и этикете. Повседневная культура крестьян регламентировалась временами года, трудовыми процессами, половозрастными особенностями и отличалась определенной варианностью, протекая в семиотически насыщенной пространственной среде. Все это выразилось в структурной организации пространства северного дома с его трехчастной вертикальной плоскостью. В структуре дома верхняя часть жилища – крыша – ограничивает «свое», освоенное, внутреннее пространство от «чужого», природного, внешнего. В символическом плане она разделяет верх (небо) и низ (мир людей). Пол, являющийся одной из границ вертикального плана жилища, стелется в направлении фасад-выход, что приобретает значимый, а в некоторых ситуациях обрядовый характер.

В жилом пространстве северорусского дома различают три вертикальные зоны. Это связано с тем, что в жилище любого типа существует особое пространство – культурный горизонт, в котором реализуется поведение человека, т. е. наиболее актуальное пространство по вертикали. Нижняя граница культурного горизонта манифестируется сидениями, местами для ночлега. Верхняя граница обычно расположена на уровне глаз (А.К. Байбурин). Своего рода эталонной плоскостью (серединой) культурного горизонта является стол – «престол в доме». Обычно все действия человека разворачиваются в границах культурного горизонта. Интерьер и меблировка северной крестьянской избы, где вся утварь и мебель группируется вдоль стен, а середина остается свободной, являются традиционными для XIX – начала XX веков.

В горизонтальной структуре северного дома важное не только конструктивное, но и семиотическое значение имеет оппозиция печь/красный угол. Обозначенная нами диагональ – это естественное завершение эволюции противопоставления печь/источник света, что в системе народного мирозерцания было осмыслено как антитеза сакрального и мирского. Характерное для крестьянской среды Русского Севера народное православие закрепило за печью значение языческого центра избы, за красным углом – христианского центра жилища.

Вещь в повседневной культуре северного крестьянства вплетена в сложную систему разнообразных символических связей, причем изменение семиотичности может носить и ситуативный характер. Например, включение предметов в контекст ритуала совершенно меняет их семиотические характеристики.

Важнейшим элементом не только красного угла, но и всего жилого помещения был стол. Его место в пространстве дома было постоянным. Стол составлял неотъемлемую принадлежность дома, не случайно при продаже дом обязательно

передают новому владельцу вместе со столом. Культурно-символическое осмысление стола в народной традиции было многоаспектным: стол уподоблялся церковному престолу, обеспечивал достаток и благополучие в доме, поэтому здесь постоянно находился хлеб. Место, занимаемое за столом, - важнейший показатель семейного и социального положения. Стол объединял семью, родственников, был одним из способов сохранения определенного стереотипа поведения, многие архаичные моменты которого в преобразованном виде можно обнаружить в современном обществе. Стол является одним из значимых обрядовых предметов крестьянского быта, ему принадлежит значительное место в свадебном и похоронном обрядах.

Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы. Как вместилище приготовляемой пищи и домашнего огня она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия, метонимически может заменять дом в целом: дом без печи – нежилой дом. «Бабий кут» - чисто женская часть избы располагалась около печи и это название на Русском Севере также распространялась на место за печью.

Одним из семиотически закрепленным в пространственной структуре дома и вещи аспектов повседневной жизни северного дома было обособление мужчин и женщин. Примером женского пространства в северном доме являлось праздничное помещение - горенка, светелка. Обычно она располагалась на втором этаже дома и отличалась особой чистотой, ухоженностью. Интерьер горенки, где жили в основном девушки-невесты на выданье, служил в определенном смысле отражением женского семантического статуса «рукодельности» невест этого дома. В ней находились предметы женского рукоделия, приданое. Здесь отмечались семейные торжества, принимали гостей, горенка играла заметную роль в свадебном и похоронном обряде.

В исследовании выявлен семиотический статус внутреннего пространства и предметов интерьера севернорусского жилища: стен, крыши, пола, потолка, печи, двери, порога, окна, матицы, воронцов, «бабьего кута», «красного угла», иконы, стола, скатерти, посуды. Предметная среда севернорусского дома с ее (среды) пространственными координатами «пронизана» временем и формирует динамику жизни его обитателей. Вещь как феномен культуры, обладая способностью аккумулировать традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание, а в контексте повседневной культуры северного дома выступает как культурный текст определенной исторически обусловленной знаковой системы. Семиотический статус северного крестьянского жилища в его пространственной организации и в смыслах вещей, его наполняющих, был достаточно устойчивым, традиционным, хотя и менялся в определенных ритуалах ситуациях (свадьба, похороны, рождение ребенка, обыденность).

Параграф 3.4. «Символика декора и архитектурно-конструктивные особенности крестьянского дома». Культурные смыслы декора крестьянского жилища непосредственно связаны с жизнью людей Русского Севера. В орнаменте резьбы или скульптурных фигурах, украшающих северный дом, воплотилось понимание микро- и макрокосмоса. Особенностью орнаментальной символики являлось то, что это были не единичные символы, а целостная система. Символика декоративного убранства неотделима от архитектурно-конструктивных элементов северного дома-двора. Внешнему облику крестьянского дома был

свойственен своеобразный «наряд», к которому следует отнести как собственно декоративные приемы, предназначенные для украшения: резьбу, живопись, раскраску, - так и различные архитектурные детали: крыльца, балконы, галереи, наличники и ставни окон, причелины, полотенца, курицы, потоки, консоли, дымники, охлупни, имеющие практическое, конструктивное значение и в тоже время, выполняющее декоративную роль. Изображение коня и птицы в декоре дома связано с солярным культом; солнечную символику воплощает не только конек крыши, но и элементы, поддерживающие ее свесы, - кронштейны, курицы, а также окончания причелин.

Анализ убранства северного крестьянского дома и соответствующей символики позволяет обратить внимание на специфическое явление, каким была **домовая роспись**. Она распространена, в основном, в регионах, где изготовлялись и бытовали деревянные расписные предметы крестьянского обихода, или там, где домовая роспись выполнялась бродячими крестьянскими живописцами («красильщиками, малярами») и существовала как отхожий промысел.

Время распространения домовых росписей на Русском Севере – середина XIX века, что соответствует датам постройки наиболее ранних из зафиксированных домов на Северной Двине (1853) и Поважье (1856). Вся роспись сосредотачивалась на фронте главного фасада, подчеркивая и выявляя средствами декора конструктивные детали его убранства.

Многообразие символических образов в домовой росписи северного дома (в частности, лев, единорог – обереги дома) представлено росписями народных живописцев Поважья. Здесь встречается такое уникальное явление, как изображение хозяина и хозяйки на главном фасаде и в интерьере дома, что было отражением репрезентативного статуса владельцев. Дом, украшенный внутри и снаружи солярными символами, женскими фигурами, птицами, конями и другой магической символикой, стал выразителем культурного смысла оберега, он должен был хранить семью от нечистой силы.

Наряду с зафиксированными устойчивыми архитектурными, конструктивными особенностями построек Русского Севера, бесконечно разнообразными, динамичными, изменчивыми были отдельные архитектурные и декоративные элементы. Эти элементы и детали и придавали традиционным постройкам индивидуальность и неповторимость, определив в значительной степени вектор эволюции народной архитектуры. Культурные смыслы конкретных изображений-символов в декоративном убранстве опирались на фитоморфные, орнитофорфные, зооморфные, антропоморфные изображения, воплощенные в скульптурной, трехгранно-выемчатой, плоской резьбе, домовой росписи. Декоративное убранство содержало символы, как православные, так и языческие, как социальные по своему смыслу, так и природные: на божнице – лики святых, охлупень – символ солнца. Объединенные в целостном культурном смысле архитектуры северного крестьянского дома-двора, они являют единство народной культуры, моделирующей весь крестьянский мир, во взаимосвязи микро- и макрокосмоса. Отсюда следует вывод: мастер, рубивший избу и изготовлявший все необходимое для нее, был до начала XX века скорее зодчим, чем просто плотником. Кроме того, дерево, по его представлениям, имело душу, которую нужно было ублажить жертвоприношением и соответствующим заговором или обрядом. Именно поэтому традиционное народное зодчество, обладая комплексом культурных смыслов, в основе своей было магически-сакральным.

Глава 4. «Сельский мир – модель смыслополагания народной архитектуры Русского Севера». В исследовании обоснована значимая и впервые поставленная культурологическая проблема - построение модели смыслополагания народной архитектуры Русского Севера. Первая составляющая модели – человек: свободный, духовно-наполненный, трудящийся, верующий, собирающий вокруг себя семью и ближних. Вторая составляющая модели – это крестьянское жилище, дом-двор с соответствующим декором, архитектурно-конструктивными особенностями. Третья составляющая модели – это сакральные сооружения (храм, часовня, крест). Четвертая составляющая модели – это сельский мир, представленный в традиционном поселении Русского Севера.

Параграф 4.1. «Сельское историческое поселение как специфический историко-культурный феномен Архангельской области». В качестве определения исторического поселения используются положения федерального закона Российской Федерации № 73 от 2002 года «Об объектах культурного наследия». Соответственно, мы рассматриваем в качестве культурологически описываемого феномена исторического поселения то поселение, «в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов РФ, их вклада в мировую цивилизацию». В Архангельской области до настоящего времени сохранился ряд традиционных поселений, являющихся объектами культурного наследия. Автором на протяжении длительного времени были комплексно исследованы сельские исторические поселения, где сохраняется культурный ландшафт, архитектурная среда, культовые ансамбли, гражданская, хозяйственная, инженерная, торговая народная архитектура XVIII – начала XX веков, традиционная культура. Культурные смыслы народной архитектуры зафиксированы в крестьянском мире, который в качестве своеобразной модели сохранился в сельских исторических поселениях Русского Севера. В качестве репрезентативных поселений выделены следующие.

Село Черевково, Красноборский район, – поселение, в котором воплощены культурные смыслы торгово-крестьянского мира и народного зодчества Русского Севера - Подвинья. Впервые Черевковская волость упоминается в 1519 году. Поселение характеризуется сохранившимся культурным ландшафтом, памятниками культовой, жилой и хозяйственно-торговой архитектуры XVII – XX веков, наличием корпуса местных легенд о первых поселенцах, истории возникновения, происхождении названия, семантике этнонимов и топонимов, почитанием местного святого – Петра Черевковского, бытованием традиций старообрядчества. Историко-культурное и экономическое развитие сформировало архитектуру этого *торгового села*. Черевково – крупное поселение, насчитывавшее в конце XIX века более 50 торговых заведений, принадлежавших крестьянам, которые торговали по семейному принципу (Гусевы, Пироговы, Бушуевы, Кобылины и др.). Торговые крестьяне Гусевы отправляли в Архангельск баржи с мясом, кожами, маслом, поставляли мясо на экспорт в Англию, Голландию и Германию, в 1907 году годовой оборот семьи составлял 123 000 руб. Модель смыслополагания торгово-крестьянского мира отразилась в народной архитектуре: Троицкая церковь (1727) и Петровская часовня (1658), амбар-магазея (1927), лабаз А.И. Пирогова (1916), памятник природы - кедровая роща (1883), фамильные дома Гусевых. В настоящее время сохранилось три из восьми

жилых домов, среди них выделяется дом М.С. Гусева (1886), состоящий из 14 жилых комнат на двух этажах с уникальной резьбой главного фасада, балкона, крыльца, выполненной в стиле барокко. Ценность этих домов в том, что они сформировались под влиянием городской архитектуры и торгово-купеческой культуры, что отразилось в большом количестве жилых помещений, декоративном убранстве экстерьера и интерьера. Но при этом черевковские дома сохранили традиционную планировку, тип северного народного жилища и уникальный декор. Черевково представляет интерес для культурологического исследования как торгово-крестьянское историческое поселение Русского Севера, которое необходимо включить в состав объектов культурного наследия Архангельской области.

Село Чухчерема, Холмогорский район, расположено в верховьях Северной Двины и объединяет куст из 8 деревень (д. Бор не сохранилась). Оно вытянулось по берегу реки на 1,5 км и при прибрежно-рядовой планировке имеет три порядка домов: первый самый древний «смотрит» на реку, два других образуют улицу. В культурном ландшафте Чухчеремы выделяются две группы церквей, которые служат своеобразными маяками для судов, идущих по реке. В южной части поселения - Никольский погост, состоящий из двух церквей: холодной Никольской, клетского типа (XVIII – XIX веков) и теплой Введенской церкви (1872). На северном берегу села расположены девятиглавая Ильинская церковь (утрачена), шатровая колокольня (1763) и клетская Васильевская церковь (XVII – XIX веков). Архитектурный облик определяют дома-дворы, строенные «брусом» при устройстве жилой части в виде пятистенка. В конце XIX века существовала традиция расписывать входные двери цветами, кругами, птицами, на крышах - резные жестяные водоспуски и трубы с изображениями петушков, флюгеров, которые были выполнены местными мастерами-кровельщиками. Хозяйственные постройки (зерновые и промысловые амбары, бани) расположены в усадьбах, в полях за деревней находились овины, гумна, прясла, мельницы-шатровки. Село Чухчерема представляет интерес для культурологического исследования как историческое поселение, являющее собой модель смыслополагания традиционного крестьянского мира Подвинья.

Деревни Верхняя и Нижняя Золотица, Приморский район, расположены на берегу Белого моря. Они отражают культурные смыслы народной архитектуры, связанной с традиционным укладом жизни и хозяйственной деятельности этнографической группы севернорусского населения - поморов. По «Списку населенных мест» в середине XIX века поселение Зимняя Золотица, названное как «погост с деревнями» состояло из деревень Нижняя и Верхняя Золотица. Деревня Верхняя Золотица расположена в 10 км от Белого моря на берегу реки Золотица, д. Нижняя Золотица находится в районе устья и впадения реки в Белое море. Планировка Верхней Золотицы - прибрежно-рядовая, архитектурный облик деревни образуют одно- и двухэтажные четырехстенки. На окраине - клетская церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1875) с приделом Николая Чудотворца и пристроенной колокольней. Традиционный поморский дом представлен в поселении рядом артефактов, среди них - дом богатого помора Ф.Ф. Прыгунова (конец XIX века), двухэтажный пятистенок, с лавкой и складским помещением на первом этаже. На втором этаже дома с 7 жилыми комнатами, устроен ряд спален, кухня и гостевое помещение — «зал», состоящий из двух частей, разделённых лепными колоннами, где сохранился интерьер богатого поморского дома с предметами иностранного производства. Поморы вели

торговлю с Норвегией, другими европейскими странами, что нашло отражение в их повседневной культуре и бытовом укладе.

Архаичные черты народной архитектуры поморов, несущие в себе культурный смысл древних традиций, сохранились в промысловых избах. Промысловая изба (тоня) - по существу второе жилье, где поморы жили в течение всего промыслового сезона; модель освоения территории с помощью «второго жилища» имеет глубокие исторические корни. Возможно, что промысловая изба в Поморье могла появиться раньше жилого дома, поэтому в подобных постройках присутствуют традиции жилищного строительства, принесенные на Север русскими переселенцами из других областей России.

Село Конецдворье, Приморский район, расположено к северо-западу от основного русла Северной Двины на о. Конечный. В исторических документах оно впервые упоминается в 1398 году как новгородское поселение Конечные дворы. Низкая часть острова, где расположено поселение, весной заливается водой, поэтому жилые постройки хаотично сгруппированы на небольшом возвышении вокруг церкви. Но в этом беспорядке угадывается определенная система, связанная с особенностями природного ландшафта: из-за частых наводнений жилые и усадебные постройки ставились на более высокой части острова вокруг церкви (1704) и колокольни (1796). Плотная застройка не позволяла течению сносить дома, амбары, бани в море, защищала их от морских ветров. Шатровая церковь посвящена главному покровителю мореходов – Св. Николаю. Храм отражает сакральный смысл деревянного зодчества, являя пример «путешествующей» деревянной церкви; ранее он находился на окраине г. Архангельска (о. Бривенник), затем в Кузнечевской городской слободе. В 1768 году крестьяне Конецдорского прихода купили городской храм «со всей утварью, жертвенником и престолом» и заменили ветхую церковь на «новую купленную на Кузнечихе церковь». Кроме сакрального смысла Никольская церковь имела и повседневный смысл, поскольку служила своеобразным маяком для моряков.

Село Верховье, Онежский район (Верхняя Мудьюга), расположено в среднем течении реки Мудьюги – левого притока Онеги. Некогда судоходная река обмелела, и поселение оказалось отрезанным от водных путей. Изоляция стала одной из причин сохранности архитектурного облика села и культурного ландшафта, что позволяет видеть в селе модель сельского поселения бассейна р. Онеги. Архитектурное решение Верховья определяют высокие стройные избы-четырёхстенки. В 1914 году здесь стояла известная постройка (по материалам Л.В. Костикова), получившая название «изба семи государей» благодаря давности постройки (1765). Изба поставлена в эпоху царствования семи русских правителей. Как и многие дома тех времен, она топилась по-черному. В центре Верховья до недавнего времени был расположен классический онежский «тройник» (сгорел в 1997 году) – шатровая, кубоватая церкви и колокольня. Воплощая укорененность сакрального смысла народной архитектуры в обыденной жизни северян, такие «тройники» были широко распространены на Онеге и по всему Русскому Северу. Храмовый комплекс (холодная шатровая Входиерусалимская церковь (1754), теплая пятиглавая кубоватая Тихвинская церковь (1675 – 1865) и колокольня (1787) находился на своеобразном полуострове, образованном излучиной реки, на погосте, в окружении рощи из хвойных деревьев. Иконостасы храмов были расписаны иконописцами онежской иконописной артели И.И. Богдановым-Карбатовским, И.В. Мининым.

Деревня Плоское, Устьянский район, не только в принципе имеет традиционный и потому по-своему характерный культурный ландшафт поселения конца XIX – начала XX века с типичной планировочной структурой, жилой, хозяйственной народной архитектурой, топонимикой, характерный для юга Архангельской области – Поважья. Уникальность этого поселения заключается в высокой степени сохранности повседневной среды северного крестьянства.

Деревня Веркола, Пинежский район, воплощает модель традиционного сельского поселения Пинежья, поскольку здесь представлены выявленные нами артефакты и памятники деревянного зодчества, несущие повседневные и сакральные культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Веркола имеет высокую степень сохранности исторической планировки и архитектурно-градостроительной среды, что нашло отражение в древней патронимической гнездовой структуре, состоящей из 6 оков и топонимах поселения. Деревня общей протяженностью 4 км сохраняет традиционную прибрежно-рядовую и уличную планировку, расположена по берегу реки Пинега. Поселение насыщено объектами культурного наследия. Это памятники деревянной культовой архитектуры (Ильинская церковь «шатер на крещатой бочке» (XVII – XIX века), часовня Артемия Веркольского (1867), кресты); монастырского зодчества на территории Артемиево-Веркольского монастыря XVII - XIX веков; выявленные артефакты народной архитектуры: крестьянские дома (И.К. Серебряковой (1908), Р.П. Малкиной (1852), Белоусовых (1861) и др.); амбарный городок (28 построек). Согласно принятой международной типологии ЮНЕСКО, д. Веркола объединяет три категории культурных ландшафтов. Это естественно сформировавшийся (сельский) культурный ландшафт, представляющий традиционную культуру Русского Севера, рукотворный монастырский ландшафт (Артемиево-Веркольский монастырь) и ассоциативный ландшафт, хранящий артефакты и информацию о великих личностях и его художественных произведениях (писатель Ф.А. Абрамов). Крестьянский мир Верколы, нашедший отражение в творчестве писателя-«деревенщика» Ф.А. Абрамова (здесь находятся его родовой дом и Литературно-мемориальный музей) имеет культурный смысл, связанный с актуальным жизненным пространством аборигенов и путешественников. Веркола сохраняет живую традиционную культуру: фольклор, духовную культуру, отраженную в корпусе легенд, связанных с монастырем и святыми местами Пинежья, народные промыслы, выступая как культурный бренд Архангельской области.

Параграф 4.2. «Село Кимжа Мезенского района – репрезентативный объект культурного ландшафта Русского Севера XIX – начала XX века» актуализирует особенности культурного ландшафта северных территорий на примере уникального поселения Кимжа, послужившего основанием построения концептуальной модели, представленной в настоящем научном исследовании. Модель позволяет осуществлять междисциплинарные культурологические исследования историко-культурной среды российских регионов. Представленное нами село Кимжа обладает одним из наиболее архаичных сельских архитектурных комплексов России. Здесь сохранилась традиционная планировка, деревянная архитектура XVIII – XX веков, а также различные артефакты и ритуалы народной культуры, включая фольклор, традиционную систему природопользования и уклад жизни.

Исторические и архитектурно-планировочные особенности. Кимжа расположено на северо-востоке Архангельской области в 30 км от г. Мезени, в верхнем течении одноименной реки, в 2 км от впадения в нее реки Кимжа, на

естественно образовавшемся полуострове. В современном ареале бытования Кимжу основали выходцы с Пинеги в начале XVI века. В XIX веке жители Кимжи занимались земледелием, скотоводством, рыбной ловлей, морским и зверобойными промыслами, ремеслами. Кимжа идентифицируется нами как естественно сохранившийся заповедник народной архитектуры, природный и историко-культурный феномен. В ходе исследований нами было выявлено 107 памятников народной архитектуры, установлены их датировка, владельцы, архитектурно-конструктивные особенности, легенды. Выполнена реконструкция исторического поселения, утраченных артефактов народной архитектуры, топонимическая структура.

Нами также было установлено, что Кимжа может рассматриваться как модель сельского мира и смыслополагания народной архитектуры Русского Севера, которая сохранилась до настоящего времени. О соответствии модели свидетельствует **центр крестьянского мира – храм Одигитрии** (1709), один из трех сохранившихся памятников культового зодчества редкого типа «шатер на крещатой бочке», основным ареалом распространения, которых были бассейны рек Пинега и Мезень. Выдвинуто предположение о том, что многие из пинежско-мезенских храмов строила одна артель плотников (известен строитель церкви, руководитель плотницкой артели - Иев Прокопьев), использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая свой опыт следующим поколениям. Тип храма появился во второй половине XVII века и был творческим ответом северных зодчих на церковные реформы патриарха Никона (1654), одним из положений которых было запрещение строить на Руси шатровые храмы. Именно в этот период получили распространение компромиссные формы культовых построек между шатром и пятиглавием – «кубоватые» (Онега, Каргополье, побережье Белого моря) и «шатер на крещатой бочке» (Пинега, Мезень, Поважье). Одна из версий возникновения подобного типа храма – существование в зоне межэтнических контактов русского и аборигенного финно-угорского населения. Основное помещение храма – четырехгранный сруб на высоком подклете, с востока - пятигранный алтарь, перекрытый килевидной бочкой-«кокошником», с запада – просторная трапезная, колокольня и двухвходное крыльцо. Завершение церкви - пять усеченных шатров вырастают из комбинации четырех килевидных бочек, выполненных в лучших традициях русского деревянного зодчества. Нами установлено, что строительство рядом стоящей «колокольницы» на пяти столбах датируется 1763 годом. Интерьер церкви не сохранился, до 1800 года церковь отапливалась по-черному, курная печь была устроена в трапезной. В начале XVII века с оживлением земской деятельности и местного самоуправления, меняется роль трапезной, которая по своему назначению в северных церквях была светским гражданским помещением и служила для общественных нужд крестьянского мира. В 1894 году в трапезной Одигитриевской церкви была открыта церковно-приходская школа.

[Яндекс.Директ](#) Все объявления [Диссертации на заказ от 5000 руб](#) Диссертации напрямую у авторов! Гибкие цены и сроки. Сопровождение [author24.ru](#)

Особое место в культурном ландшафте с. Кимжа занимают **кресты**. В поселении существовал обычай хоронить умерших рядом с домом, гумном, овином, амбаром, за околицей, у мельниц. Подтверждением этому служат просьбы жителей похоронить их рядом с собственным полем, дорогой к земельным угодьям. Историческая память жителей с. Кимжа свидетельствуют о

сохранившемся культе предков, что отразилось в традиции захоронения около земельных угодий, наличие фамильных крестов, наследования крестов и перенос их от дома на кладбище в случае смерти владельца. Нами были обследованы ряд артефактов, в том числе уникальный фамильный крест Немнюгиных - центральный в семейном захоронении. Сакральное место и особо почитаемый обетный крест (1887) находится в Заборе, на берегу реки. Крест был поставлен купцом Савиным «в память о спасении от утопления в реке Мезени». Другое сакральное место находится в районе кладбища в Белой Виске, крест «спрятан» в лесу между старыми елями. Пространство, осененное христианской святыней, считалось святым и поэтому относительно безопасным для человека. В культурном ландшафте Русского Севера значительная часть крестов и часовен расположена на окраине поселения, в непосредственной близости к лесу. Сакральный смысл этой традиции заключается в нейтрализации опасного места путем возведения христианской святыни.

Повседневные смыслы народной архитектуры представлены в Кимже артефактами гражданского (хозяйственного) зодчества. Здесь гармонично соединились два типа планировки: прибрежно-рядовая и уличная, берег реки фрагментарно укреплен подпорной стенкой. В поселении встречаются жилые дома двух типов: пятистенки и шестистенки, они отличаются большими размерами, пропорциональностью, стройностью силуэта. Декор подчеркивает архитектурно-конструктивные детали кровли, ворот, окон и часто имеет окраску в красный цвет. Почти на всех домах сохранилась безгвоздевая (самцовая) кровля, причем охлупень расположен как со стороны жилой, так и хозяйственной части. Он оформлен в виде небольшой стилизованной скульптурной формы, конской головы. Часть домов имеет на конце охлупня настоящие лосиные или оленьи рога. В этом можно увидеть следы почитания оленя, культ которого, был свойственен отдельным русским районам и нашел отражение в известной мезенской прялочной росписи. Характерной особенностью северных домов было то, что они строились «своими руками», то есть конкретным человеком из числа «родоначальников». Это усиливает значение принадлежности дома роду (через фигуру его строителя), а также характеризует личность предка или старшего родственника. Многие дома в XIX веке строились «на два хозяина», то есть могли принадлежать двум братьям, поэтому имели не только два входа в дом с разных сторон, но и два взвоза. Это отражало изменения в большой неразделенной крестьянской семье в конце XIX века. Кимженские избы имеют точную датировку: на консолях домов первого порядка вырезаны даты строительства: 1901-1914, 1932 года, второй порядок датирован 1897 – 1914 годами. Нами был выявлен самый старый дом Федора Сафонова (1849). Дома-дворы: А.Ф. Мигали («*Политов дом*»), Е.И. Сафоновой, Н.Г. Митькина, В.В. Митькиной, Н.А. Сафоновой, которые были впервые обследованы нами и вводятся в научный оборот, служат отражением культурных смыслов народной архитектуры и ментальности крестьян Русского Севера.

Хозяйственная архитектура представлена ветряными мельницами-столбовками, амбарами, банями. В Мезенском уезде ветряные мельницы сплошным кольцом окружали поселения, образуя своеобразные мельничные городки. Например, в конце XIX века – в д. Азополье насчитывалось около 30 мельниц. В России и на Русском Севере получили распространение мельницы «столбовки» и «шатровки». Все мезенские мельницы принадлежат к самому древнему типу мельниц-столбовок на ряже. В Кимже ранее было десять ветряных мельниц. В настоящее время сохранилось две и фундамент от третьей мельницы. Кимженские мельницы

- самые северные в мире, дают полное представление об архитектурно-конструктивных достоинствах народной архитектуры Русского Севера. Хозяйственная архитектура представлена индивидуальными и общественными амбарами, предназначенными для хранения зерна. В амбарах хранилось все самое ценное и дорогое. По внешнему виду и размерам постройки определяли благосостояние семьи: «*есть в амбаре – будет и в кармане*». Конструкция бревенчатого амбарного сруба почти ничем не отличается от подобных построек в других районах Севера. Сруб ставился на нижние венцы, часто усиленные своеобразным фундаментом из камней. Другая конструктивная особенность – расположение амбара на деревянных столбиках, в ряде случаев использовался естественная постановка на рельефе местности. В Кимже амбары сохраняют традиционное расположение, как в структуре усадеб, так и на деревенской улице. Сохранилась группа общественных двухэтажных амбаров около церкви. Черные бани строились в Кимже как в XIX веке, так и в настоящее время. Баня состоит из двух частей: предбанника с лавками и собственно бани. Внутри бани – около входа печь-каменка, полки и лавки вдоль стен. Отверстие для выхода дыма расположено в потолке или в боковой стене около каменки. Хозяйственные постройки активно участвуют в формировании архитектурного комплекса усадьбы, ансамбля деревенской улицы и культурного ландшафта северных поселений.

Традиционная культура села Кимжа представлена редким для сельской местности производством – **меднолитейным промыслом**. Его основателем был род Дерягиных. Ассортимент кимженских литейщиков был довольно широк: украшения для оленьей и конской сбруи, поддужные колокольчики, пряжки-схваты для ремней, коровьи колокольцы-ботала, цеховые бляхи коновалов, прикреплявшиеся к сумке коновальских инструментов. Кимжа – единственное место в Архангельской губернии, где в XIX – начале XX века отливали церковные колокола. До настоящего времени в Кимже сохранился **традиционный мезенский костюм** – это характерный образец народного костюма Русского Севера, который сформировался на основе нескольких культурных традиций: русских Поморья, Центральной России, а также коми-зырян и ненцев.

Культура повседневной жизни крестьянской семьи создавалась на протяжении нескольких поколений и составляла определенную традицию мышления и поведения. Повседневная жизнь крестьян представлена в **народных рассказах**, сохраненных в памяти ее носителей. Крестьянство испытывало необходимость заручиться поддержкой предков, поскольку традиционно воспринимало мир в категориях прошлого опыта. От предков ждали помощи, содействия в делах. Культ предков опирался на архетипические представления, позднее представая в контексте традиционных культурных смыслов – почитания и сохранения памяти о них.

Таким образом, основа смыслополагания народной архитектуры Русского Севера, в концентрированном выражении этого феномена – Кимже – может рассматриваться как картина мира крестьян в целостности и равноценности всех сторон жизни крестьянского сообщества.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, намечены перспективные возможности развития темы. К основным выводам исследования относятся следующие.

Особенности культуры Русского Севера – это результат проявления в ней русского хронотопа: смыслового единства времени и пространства, в качестве

предметного воплощения времени и пространства выступает культурный ландшафт северной деревни.

Семантика и архитектурно-художественный образ народной культовой архитектуры (храм, часовня, крест) является отражением коллективной ментальности крестьянства, соотносясь с культурными смыслами православной картины мира.

Крестьянский дом, представляющий собой жилой комплекс дома-двора, в условиях Севера являлся одним из главных способов освоения природной среды. Это нашло отражение в архитектурно-конструктивных особенностях, типологии, декоре. Интерьер дома синтезирует в пространственно-предметной и символической форме повседневную культуру и ритуально-сакральные основы жизни традиционной крестьянской семьи.

Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера имеют целостную семантическую природу, выражаемую через четырехчастную модель:

- человек: свободный, духовно-наполненный, трудящийся, верующий, собирающий вокруг себя семью и близких;

- крестьянское жилище, дом-двор с соответствующим декором, архитектурно-конструктивными особенностями;

- сакральные сооружения (храм, часовня, крест);

- сельский мир, представленный в традиционном поселении Русского Севера, имея самостоятельную ценность и семантические характеристики, органично входит в состав целостного понятия «Русский Север – особая территория наследия».

Культурным кодом Русского Севера является народное деревянное зодчество. Культурными смыслами народной архитектуры Русского Севера следует признать сакральные, повседневные, а также интегрирующие мифопоэтические и присущие народному православию представления, соединенные в целостную картину мира, материальным воплощением которой является сельское поселение.

Моделирующие качества культурного смыслополагания Русского Севера сконцентрированы в народной архитектуре, поскольку это единственный круг артефактов, который материально сохранился. Поэтому построенная и описанная нами модель, сохранившая свои материальные и духовные составляющие на Русском Севере, имеет специфическое и важное научное значение.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Пермиловская, А.Б. Культурное наследие Русского Севера как ресурс развития региона [Текст] / А.Б. Пермиловская // Обсерватория культуры. – М., 2010. – № 5. – С. 29 – 35. (0, 7 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
2. Пермиловская, А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры. Храмовое зодчество Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 – Т.1. – С. 193 –

197. (0,4 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
3. Пермиловская, А.Б. Крестьянский дом в фольклорном пространстве Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Вестник Вятского гуманитарного университета. Философия и социология; культурология. – 2010. – № 3(4) – С. 109-114. (0,6 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 4. Пермиловская, А.Б. Крест в культурном ландшафте Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Вестник Поморского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2010 – №.6 – С. 86 – 91. (0,5 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 5. Пермиловская, А.Б. Часовня в традиционной культуре Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 – Т.1. – С. 248 – 254. (0,5 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 6. Пермиловская, А.Б. Село Кимжа Мезенского района – модель культурного ландшафта Русского Севера XIX – начала XX века [Текст] / А.Б. Пермиловская // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 – Т.1. – С. 302 – 309. (0,6 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 7. Пермиловская, А.Б. Декоративное убранство и символика народной архитектуры Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Вестник Вятского государственного университета. – 2011. – № 1 - С. 110 – 114. (0,4 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 8. Пермиловская, А.Б. «Живая среда музея под открытым небом как форма организации памяти в современной культуре России и Западной Европы [Текст] / А.Б. Пермиловская // Обсерватория культуры. – М., 2011. – № 1. – С. 78 – 81. (0,5 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 9. Пермиловская, А.Б. Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Регионоведение. – 2011. – № 2 – С. 275 – 286. (0,5 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 10. Пермиловская, А.Б. Культурный ландшафт Русского Севера как объект наследия в аспекте региональной политики [Текст] / А.Б. Пермиловская // Власть. – М., 2011. – № 3 – С. 84 – 86. (0,3 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 11. Пермиловская, А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – Т.1. – С. 301 - 307. (0,7 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
 12. Пермиловская, А.Б. Влияние городской культуры на традиционный крестьянский дом (по материалам Русского Севера) [Текст] / А.Б. Пермиловская // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2011. – № 2. – С. 184 – 192. (0,4 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

13. Пермиловская, А.Б. Храм в культурном пространстве северной деревни (Одигитриевская церковь в селе Кимжа) [Текст] / А.Б. Пермиловская // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2011. – № 3. – С. 246 – 254. (0,4 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
14. Пермиловская, А.Б. Русский Север в пространстве культуры [Текст] / А.Б. Пермиловская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3(9). – Ч. III. – С. 121 – 124. (0,5 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
15. Пермиловская, А.Б. Крестьянские домовые росписи Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // В мире научных открытий. - Красноярск, 2011. – № 4 (Гуманитарные и общественные науки). – С. 42 - 49. (0,4 п.л.) (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).
16. Пермиловская, А.Б. Северный дом. [Текст] : научная монография / А.Б. Пермиловская. – Петрозаводск : Петропресс, 2000. – 224 с. (18, 4 п.л.).
17. Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX - начало XX века). [Текст] : научная монография / А.Б. Пермиловская. – Архангельск : Правда Севера, 2005. – 312 с. (25, 6 п.л.).
18. Пермиловская, А.Б. Русский Север как особая территория наследия [Текст] : научная монография / А.Б. Пермиловская. – Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 552 с. (45 п.л.).
19. Пермиловская, А.Б. Дай крестьянину топор, и он починит даже часы [Текст] / А.Б. Пермиловская // Архитектура. – М., 1986. - № 22. - С. 10-12 (0, 2 п.л.).
20. Пермиловская, А.Б. Праздник «День пропаганды строительного мастерства» в Архангельском государственном музее деревянного зодчества [Текст] / А.Б. Пермиловская // Проблемы этнографического музееведения. Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний»: тезисы докладов. – Омск : Омский гос. ун-т., 1987. - С. 133 – 135. (0, 2 п.л.).
21. Пермиловская, А.Б. Дорога, которая не ведет к храму [Текст] / А.Б. Пермиловская // Человек и закон. – М., 1989. - № 9 - С. 81- 83. (0,2 п.л.).
22. Традиционные и новые обряды народов СССР и их отражение в музеях под открытым небом: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. / Сост. А.Б. Пермиловская. – Архангельск, 1989. – 56 с.
23. Пермиловская, А.Б. Курные избы Ошевенска [Текст] / А.Б. Пермиловская // Летописец Севера. - Архангельск : Сев-запад. книж. изд-во, 1990. - С. 44 - 53. (0, 4 п.л.).
24. Пермиловская, А.Б. Красноборские хоромы: Дом Тропина из деревни Цивозеро – памятник народного зодчества [Текст] / А. Б. Пермиловская // Земля Красноборская: Страницы истории и культуры. – Архангельск, 1991. – С. 67-74. (0, 4 п.л.).
25. Пути сохранения и методы реставрации памятников деревянного зодчества: Сб. междунар. науч.-практ. конф. / Сост. А. Б. Пермиловская. – Архангельск, 1990. – 122 с.
26. Пермиловская, А. Б. Проблема сохранения памятников деревянного зодчества Русского Севера [Текст] / А. Б. Пермиловская // Пути сохранения и методы реставрации памятников деревянного зодчества: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: Тез. докл. – Архангельск, 1990. – С. 9 - 13. (0,2 п.л.)

27. Пермиловская, А. Б. Памятник от слова память: Проблемы сохранения памятников деревянного зодчества на Русском Севере [Текст] / А. Б. Пермиловская // Архитектура и строительство России. – М., 1991. – № 8. – С. 12 - 15. ил. (0, 25 п.л.).
28. Пермиловская, А. Б. Крестьянский дом на Ваге [Текст] / А. Б. Пермиловская // История и культура Важского края: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения П. С. Воронова. – Вельск, 1992. – С. 13-18. (0,3 п.л.).
29. Пермиловская, А. Б. Русский щепной базар [Текст] / А. Б. Пермиловская // Музеи России. – М., 1993. – № 2. – С. 32-36. (0,3 п.л.).
30. Пермиловская, А. Б. Родники в Малых Корелах [Текст] / А. Б. Пермиловская // Мир музея. – М., 1994. – № 1. – С. 69-71. (0,2 п.л.).
31. Пермиловская, А. Б. Изба Пухова из деревни Большой Халуи Каргопольского района – памятник музея деревянного зодчества [Текст] / А. Б. Пермиловская // Музей под открытым небом в современных условиях: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Арханг. гос. музея деревянного зодчества и нар. искусства. – Архангельск, 1995. – С. 63-71. (0,3 п.л.).
32. Пермиловская, А. Б. Крестьянское жилище Русского Севера в экспозиции Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства [Текст] / А. Б. Пермиловская // Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях. – Иркутск, 1995. – С. 30-32. (0,2 п.л.).
33. Пермиловская, А. Б. Декор северного дома: Региональные особенности декоративного убранства северного жилища в конце XIX – начале XX века [Текст] / А. Б. Пермиловская // Народная культура Русского Севера. – Архангельск, 1997. – С. 67 – 97. (1,3 п.л.).
34. Пермиловская, А. Б. Народная жилая архитектура Мезени в конце XIX века [Текст] / А. Б. Пермиловская // Новые открытия и реставрация памятников Русского Севера: Тез. конф. 8-9 апр. 1998 г. – Архангельск, 1998. – С. 75-78. – (Экология культуры: Информ. бюл.; Вып. 1). (0,3 п.л.).
35. Пермиловская, А. Б. Народное жилище в Поважье в конце XIX века [Текст] / А. Б. Пермиловская // Народное искусство Южного Урала: Сб. материалов науч.-практ. конф. (14-16 мая 1997 г.). – Челябинск, 1998. – С. 88-106. (0,3 п.л.).
36. Пермиловская, А. Б. Крестьянское жилище Каргополя [Текст] / А. Б. Пермиловская // Исторический город и сохранение традиционной культуры. – М.; Каргополь: Каргоп. гос. ист.-архитектур. и худож. музей, 1999. – С. 136 - 144. (0,4 п.л.).
37. Пермиловская, А. Б. Деревянные кресты Русского Севера: (К вопросу изучения) [Текст] / А. Б. Пермиловская // Народная культура и музеи под открытым небом. Пути сохранения и возрождения традиционной культуры: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию музея / Арханг. гос. музей деревянного зодчества и нар. искусства «Малые Корелы», Европ. Ассос. музеев под открытым небом. – Архангельск, 2000. – С. 32 - 47. (0,6 п.л.).
38. Пермиловская, А. Б. Деревянные кресты Русского Севера [Текст] / А. Б. Пермиловская // Ставрографический сборник. – М.: Издательство Московской патриархии; Древлехранилище, 2001. – Кн. 1. – С. 236 - 258. (1. п.л.).
39. Пермиловская, А. Б. Крест из деревни Кушкопала [Текст] / А. Б. Пермиловская // Ставрографический сборник «Крест в православии». - М.:

- Издательство Московской патриархии; Издательство «Древлехранилище», 2003. – Кн. 2. – С.347 – 351 (0,3 п.л.).
40. Пермиловская, А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. (К вопросу о социально-культурных функциях жилища в XIX – нач. XX вв. [Текст] / А. Б. Пермиловская // Сбор Матер. межд. научно-практ. конфер. посвящ. 30-летию музея «Малые Корелы».- Архангельск, 2004. - С. 93 – 124. (1,3 п.л.).
41. Пермиловская, А.Б. Уникальные памятники архитектуры в собрании Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства [Текст] / А.Б. Пермиловская; [пер. на англ. яз. В.В. Каменная].— Архангельск, 2004. - 31 с. (1 п.л.).
42. Пермиловская, А. Б. Образ коня в культурном пространстве крестьянского дома Русского Севера (XIX-начале XX в.) [Текст] / А. Б. Пермиловская // Этнографический источник. Мат. Третьих Санкт-Петербургских Этнографических чтений. – СПб., 2004. - С. 311-318 (0,3 п.л.).
43. Пермиловская, А.Б. Кимжа – новые перспективы создания живого музея под открытым небом «in situ» на Русском Севере [Текст] / А.Б. Пермиловская // Материалы VI междунар. науч. конгресса этнографов и антропологов России.— СПб., 2005.— С. 412. (0,1 п.л.).
44. Пермиловская, А.Б. Архитектурно-этнографическое обследование уникального исторического поселения Архангельской области – с. Кимжа Мезенского района [Текст] / А.Б. Пермиловская // Материалы II междунар. науч. конф. «Полевая этнография».— СПб, 2005.— С. 57–58. (0,2 п.л.).
45. Пермиловская, А.Б. Историко-культурный заповедник – новая форма создания живого музея под открытым небом (на примере уникального исторического поселения: с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) [Текст] / А.Б. Пермиловская // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях : материалы науч.-практ. конф., Иркутск, 6–9 августа 2006 г.— Иркутск, 2006.— С. 15–27. (0,4 п.л.).
46. Пермиловская, А.Б. Кимжа – уникальный историко-культурный заповедник Русского Севера. Возможность международного сотрудничества в вопросах изучения и сохранения [Текст] / А.Б. Пермиловская // Академическая наука и её роль в развитии производительных сил в северных регионах России : всерос. конф. с междунар. участием : [электронный ресурс] / Ин-т эколог. проблем Сев. УрО РАН.— Электрон. текстовые дан.— Архангельск, 2006.— 1 эл. опт. диск (CD-ROM).— Систем. требования: Windows.— Загл. с контейнера.— Посвящается 100-летию со дня открытия первого стационара Рос. акад. наук. – С 401 – 405. (0,3 п.л.).
47. Пермиловская, А.Б. Проведение комплексных научных исследований по проекту «Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект изучения, сохранения и использования (на примере с. Кимжа Мезенского района Архангельской области)» [Текст] / А.Б. Пермиловская // Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы изучения, сохранения, использования : материалы IX Каргопольской науч. конф.— Каргополь: Каргоп. гос. ист.-архитектур. и худож. музей, 2006.— С. 119–131. (0,5 п.л.).
48. Пермиловская, А.Б. Семантика крестьянского дома в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Культурологическое исследование [Текст] / А.Б. Пермиловская // Тез. докл. Первого Российского культурологического конгресса. - СПб.: Эйдос, 2006. – С. 172 - 174 (0,2 п.л.).
49. Пермиловская, А.Б. Комплексное научное обследование с. Кимжи по проекту «Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект

- изучения и сохранения» [Текст] / А.Б. Пермиловская // Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Мезень, 7–9 февр. 2006 г.— Архангельск, 2006.— Ч. 1.— С. 262–277. (0,5 п.л.).
50. Пермиловская, А.Б. Кимжа [Текст] / А.Б. Пермиловская; [пер. на англ.: Н.Т. Подражанская].— Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2007.— 39 с. (1,5 п.л.).
51. Пермиловская, А.Б. Проект «Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект изучения, сохранения и развития (на примере с. Кимжа Мезенского района Архангельской области [Текст] / А.Б. Пермиловская // Народное зодчество : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Забывтое наследие. Как спасти деревянное зодчество России», посвящ. 100-летию академика Д.С. Лихачева.— Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007.— С. 119–133. (0, 5 п.л.).
52. Пермиловская, А.Б. Проект «Кимжа – уникальное историческое поселение Русского Севера. Изучение, сохранение, развитие» [Электронный документ] : материалы международного научного семинара по Британско-Российскому проекту «Культурный ландшафт как наследие» (Cultural Landscape as a Heritage Feature (2006–2008). – Москва: РНИИКиН, 2007. - 12 с. (<http://www.heritage-institute.ru>). (0, 5 п.л.). Проверено 1. 06. 2011.
53. Пермиловская, А.Б. Использование традиционного народного и современного этнокостюма в презентации научного проекта «Село Кимжа – уникальное историческое поселение Русского Севера» [Текст] / А.Б. Пермиловская // Материалы 10 международной научно-образовательной конференции «Мода и дизайн. Исторический опыт – новые технологии».— СПб., 2007.— С. 302–307. (0,3 п.л.).
54. Пермиловская, А.Б. Традиционный народный и современный этнокостюм [Электронный документ] : Рынок легкой промышленности.— СПб, 2007.— № 50. – 7 с. (<http://www.rustm.net/catalog/rubric/62.html>) (0,3 п.л.). Проверено 1. 06. 2011.
55. Пермиловская, А.Б. Торговое село Черевково – центр традиционной культуры Подвинья [Текст] / А.Б. Пермиловская // Материалы V международной научной конференции «Рябининские чтения–2007».— Петрозаводск, 2007.— С. 179–184. (0,4 п.л.).
56. Пермиловская, А.Б. Село Кимжа: пространственная организация и памятники традиционного деревянного зодчества XVIII – нач. XX века [Текст] / А.Б. Пермиловская // Архитектурное наследство.— М. : Ком Книга, 2008.— Вып. 49.— М., 2008.— С. 169–180. (0, 5 п.л.).
57. Пермиловская, А.Б. Деревянные кресты Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Архитектурное наследство.— М.: Книжный дом «Либроком», 2009.— Вып. 50.— С. 144–160. (0, 7 п.л.).
58. Пермиловская, А.Б. Культурный ландшафт сельских исторических поселений Русского Севера как объект наследия [Текст] / А.Б. Пермиловская // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития : материалы VII Междунар. научно-практ. конф., посвящ. 90-летию образования Омск. гос. агр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Зап. Сибири (27–28 марта 2008 г.).— Омск: Изд-во Омск. гос. агр. ун-та, 2008.— Ч. 2.— С. 275–279. (0,3 п.л.).
59. Пермиловская, А.Б. Деревянный крест – символ освоения сакрального ландшафта Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Ярославский педагогический вестник.— Ярославль, 2008.— № 4(57).— С. 120–127. (0,3 п.л.).

60. Пермиловская, А.Б. Изучение культурного ландшафта сельских исторических поселений Русского Севера: возможность международного сотрудничества [Текст] / А.Б. Пермиловская // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии : 9–12 сент. 2008 г. : материалы конф. : в 2 ч. / Ин-т всеобщей истории РАН, Поморский гос. ун-т.— М.; Архангельск, 2008.— Ч. 2.— С. 50–53. (0,3 п.л.).
61. Пермиловская, А.Б. Уникальный культурный ландшафт Русского Севера как объект наследия [Текст] / А.Б. Пермиловская // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие от прошлого к будущему» : тез. докл. и сообщ.— СПб., 2008.— С. 195. (0,1 п.л.).
62. Пермиловская, А.Б. Крестьянский дом в фольклорной модели мира (по материалам Русского Севера XIX – начало XX века) [Текст] / А.Б. Пермиловская // Поморские чтения по семиотике культуры «Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России» // Сборник науч. ст. /Сост. Н.М. Терехин и др. – Вып. III. - Архангельск : ПГУ. - С. 397- 406. (0,4 п.л.).
63. Пермиловская, А.Б. Окно в архитектурном и семантическом пространстве народного жилища. [Текст] / А.Б. Пермиловская // Жилище и одежда как феномены этнической культуры: / А. Б. Пермиловская // Этнографический источник. Мат. Седьмых Санкт-Петербургских Этнографических чтений. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. - С. 15 – 19. (0,3 п.л.).
64. Пермиловская, А.Б. Крестьянский дом в культурном ландшафте Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Сборник материалов всероссийская конференция с международным участием «Северные территории России: проблемы и перспективы развития» : [электронный ресурс] / Ин-т эколог. проблем Сев. УрО РАН.— Электрон. текстовые дан.— Архангельск, 2008. — 1 эл. опт. диск (CD-ROM).— Систем. требования: Windows.— Загл. с контейнера.— С. 1050 – 1054. (0,3 п.л.).
65. Пермиловская, А.Б. От экспедиции до монографии «Русский Север как особая территория наследия» [Текст] / Пермиловская А.Б. // «Полевые этнографические исследования». Материалы VIII-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. - С. 66 – 71. (0,3 п.л.).
66. Пермиловская, А. Б. Культура повседневности. Доброму человеку что день, то праздник. Домовые росписи Русского Севера. [Текст] / Пермиловская А.Б. // Архангельская старина. - Архангельск, 2009. - № 2. С. 42-46. (0, 5 п.л.).
67. Пермиловская, А. Б. Крест в пространстве музея под открытым небом. [Электронный документ] : материалы XVI-х Санкт-Петербургских Религиоведческих чтений «Музейные коллекции культовых предметов и их собиратели». – СПб., 2009. - 4 с. – ([http:// www.gmir.ru](http://www.gmir.ru)) (0,2 п.л.). Проверено 1. 06. 2011.
68. Пермиловская, А.Б. Этнокультурные исследования. Русский Север как особая категория наследия [Текст] / Пермиловская А.Б. // Экология арктических и приарктических территорий: материалы международного симпозиума / Институт экологических проблем Севера УрО РАН; отв. ред. К.Г. Боголицын. – Архангельск. 2010. - С. 39 - 42. (0,3 п.л.).
69. Пермиловская, А.Б. Православные святые в пространстве Арктики [Текст] / Пермиловская А.Б. // Экология арктических и приарктических территорий: материалы международного симпозиума / Институт экологических проблем

- Севера УрО РАН; отв. ред. К.Г. Боголицын. – Архангельск. 2010. - С. 430-433. (0,3 п.л.).
70. Пермиловская, А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Этнокультурные исследования сельских поселений [Текст] / Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Этнокультурные исследования сельских поселений // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Научные труды в 3 ч. - Ч.1. - Омск: Изд-во Омск. гос. агр. ун-та, 2010. С. 55- 60. (0,3 п.л.).
71. Пермиловская, А.Б. Музей под открытым небом в современной культуре России и Западной Европы [Текст] / Пермиловская А.Б. // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посв. 45-летию музея «Малые Корелы». – Архангельск, 2010. - 39 – 49. (0,6 п.л.).
72. Пермиловская, А.Б. Народное храмовое зодчество. Ценности и смыслы традиционной культуры Русского Севера [Текст] / Пермиловская А.Б. // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посв. 45-летию музея «Малые Корелы». – Архангельск, 2010.- 144 – 159. (0,7 п.л.).
73. Пермиловская, А.Б. Обетные кресты – памятники культовой деревянной архитектуры и скульптуры Русского Севера. [Текст] / Пермиловская А.Б. // Деревянная культовая скульптура. Проблемы хранения, изучения, реставрации: Мат. междун. науч.- практ. конф., М., 25-26 октября 2010. – М.: ФГОУ ВПО МГАУ, 2011. - С. 122 – 135. (0,5 п.л.).
74. Пермиловская, А. Б. Уникальный культурный ландшафт Русского Севера как объект наследия (на примере сельских поселений) [Текст] / Пермиловская А.Б.// Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Тексты участников Второго Российского культурологического конгресса с международным участием (Санкт-Петербург, 25–29 ноября 2008) : [электронный ресурс] – СПб : Эйдос, 2010. – С. 1627 – 1642. (0,5 п.л.).
75. Пермиловская А.Б. Влияние городской культуры на традиционный крестьянский дом [Текст] / Пермиловская А.Б. // Образы города в горизонте российской динамики : научный сборник / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – С.108 – 118 (0,6 п.л.)
76. Пермиловская, А. Б. Изучение, сохранение и развитие сельских культурных ландшафтов Русского Севера [Текст] / Пермиловская А.Б.// Культура Поонежья X – XXI веков: общерусские черты и региональные особенности : мат. XI научной конференции (18 - 22 августа 2010 г.). – Каргополь, 2011. С. 14 – 21. (0, 6 п.л.).
77. Пермиловская, А. Б. Народная культовая архитектура как объект гуманитарного исследования [Текст] / Пермиловская А.Б.// Развитие академической науки на родине М.В. Ломоносова : мат. междун. конф. – Архангельск, 2011. - С. 168 – 172. (0,3 п.л.).
78. Пермиловская, А. Б. Крестьянский мир и культурный ландшафт Русского Севера как объект наследия [Текст] / Пермиловская А.Б.// М.В. Ломоносов и Арктика: мат. междун. конф., посв. 300 – летию М.В. Ломоносова / Отв. ред. В.А. Любимов – Архангельск, 2011. - С. 246 – 253. (0,6 п.л.).
79. Permilovskaya, A. Russian Wood Chip Bazaars (Fairs) in the City of Archangel / A. Permilovskaya // Museums of Russia. — Moscow, 1993.— № 2.— P. 32–36. (0,3 п.л.).

80. Permilovskaya, A. Building traditions of the Russian North: Making carpentry holidays in the open air museum / A. Permilovskaya // Association of European Open Museums 1993. — Romania: Bucharest, 1993. — P. 174–181. (0,4 п.л.).
81. Permilovskaya, A. Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century / A. Permilovskaya // 20-th Conference of the Association of European Open Museums.— Szentendre Hungary, 2001.— P. 116 –124. (0,3 п.л.).
82. Permilovskaya, A. Carpentry Traditions in the Russian North and their Realization in the Open Air Museum / A. Permilovskaya.— Croatia, 2002.— P. 143 – 155. (0,4 п.л.).
83. Permilovskaya, A. **Wedding in the Open Air Museum** / A. Permilovskaya // Association of European Open Air Museums: Report of the 21st Conference.— Scotland, 2003. — P. 109 – 122. (0,4 п.л.).
84. Permilovskaya, A. Flax in the Russian North: Cultural Traditions and their Reflection in the Open Air Museum: Cima XIY. International Association Agricultural Museums / A. Permilovskaya. — Czechia: Roznov, 2004.— P.112 – 117. (0,3 п.л.).
85. Permilovskaya, A. Kimzha: New Prospects for Creating the Open-Air Museum «in situ» in the Russian North / Anna Permilovskaya // Conference Report 2005. 22th Conference 2005 of Association of European Open Museums. — Turku: Provincial Museum, Finland, 2007.— P. 88 – 94. (0,3 п.л.).
86. Permilovskaya, A.B. Formation of Public Opinion for Creating Living Open Air Museum "Village of Kimzha" / A. Permilovskaya // Conference Report 2007. 23rd Conference of the Association of European Open Air Museums. — Netherlands and Belgian, 2009. — P. 198 — 203. (0,3 п.л.).
87. Permilovskaya, A. Church Construction: Values and Meanings in Traditional Culture of Northern Russia / Anna Permilovskaya // Folk Heritage the World: From the Past though the Present into the Future. — Minsk, 2009. – P.46 — 47. (0,2 п.л.).